

«Мы сочиняем

свой театр...» (Стр. 12—13)

Иван СИКОРСКИХ.
Актер театра-студии
на Красной Пресне

Фото Евгения СТЕЦКО

Михаил Кондаков — «депутат в резерве». Фотоочерк
Документальное кино: правду, и только правду
Антон Антонов-Овсеенко. Дело о расстрелянной переписи
Страницы отечественной словесности. Лев Мей
Повесть Рекса Стаута «Всех, кроме пса, в полицию...»

ISSN 0131-6656

11
СМОЛНА

Анатолий ДЕРЯБИН,
доктор экономических наук,
заведующий сектором теории
и методологии ценообразования
Института экономики АН СССР

ЧТО ПОЧЕМ?

ПОТЕРЯЛА ЛИ ОСТРОТУ ПРОБЛЕМА ЦЕН

Если спросить рядового труженика нашей страны, улучшилась или ухудшилась экономическая ситуация за время, прошедшее после июньского (1987 года) Пленума ЦК КПСС, принявшего решение о коренной перестройке экономики, ответом скорее всего будет: ухудшилась. И он будет недалек от истины. Дефицитность и инфляция за это время не ослабились, как ожидалось, а существенно усилились. Товаров народного потребления недостает для удовлетворения текущего спроса на 30—40 миллиардов рублей. А ведь, кроме того, в предыдущие годы накоплен неудовлетворенный спрос более чем на 100 миллиардов рублей. Едва ли не ежедневно дефицитными становятся все больше товаров.

Поэтому независимо от нашего желания и даже воли растут цены, в том числе, конечно, и розничные. От рубля 1960 года (в современном масштабе) к 1987 году осталось только 42 копейки. В последние годы, по оценкам экономистов, цены увеличиваются на три-четыре процента ежегодно.

Из-за возрастания дефицитности и усиливающейся инфляции происходит дискредитация идей революционной перестройки общества.

Экономическую реформу невозможно проводить, когда есть дефицит и инфляция. Чтобы хозяйственный механизм работал нормально, нужно их устранить. Коль существует дефицит, нет стимулов повышать качество, внедрять достижения науки и техники — самая низкокачественная продукция быстро реализуется. Предприятиям невозможно отоварить заработанные деньги — чтобы, например, построить дом для рабочих. Значит, экономические рычаги не действуют. При дефиците нет и социальной справедливости, которая состоит в том числе в том, чтобы на каждый трудовой рубль каждый человек мог купить любой товар.

Верхоглядство, которым, увы, страдает кое-кто и в наших высших экономических ведомствах, сразу подталкивает к самому простому из всего арсенала экономических средств — к повышению цен. Это избавит, дескать, от дефицита; можно ликвидировать убыточность некоторых отраслей, сделать прибыльными убыточные и низкорентабельные предприятия. Все отрасли, объединения и предприятия получат такую прибыль, которая позволит перейти на самофинансирование и сразу же начать вносить платежи в бюджет за используемые ресурсы. Одним словом, так просто и такие результаты. Почти

экономическое чудо!

Такое чудо и пытается совершить Госкомцен СССР. Между тем анализ преобразований, намечаемых этим ведомством, показывает, что они прямо противоречат коренной перестройке экономики. Радикальная реформа ценообразования подменена реформой цен, а последняя сводится к повышению всех видов цен и тарифов. Реформа же ценообразования — это создание принципиально нового порядка (организации, принципов, методологии и методики) определения цен. Общее повышение цен — разовое мероприятие. Такие повышения, но в меньших масштабах, проводились и ранее. И все они дали значительно больше отрицательных, нежели положительных результатов.

Самое плохое то, что предполагается резко и на беспрецедентно огромную сумму (около 200 миллиардов рублей) повысить оптовые цены. Проведенные теоретические исследования (имеется даже математическое доказательство) и серьезное изучение исторического опыта нашей страны и мировой практики свидетельствуют, что **повышение оптовых цен неизбежно приводит не к уменьшению, а к нарастанию дефицитности всех товаров, возникновению неуправляемой галопирующей инфляции.**

Попробуем разобраться, как это происходит. Известно, что цену товара можно разделить на три части. Первая часть — это стоимость сырья, материалов, топлива, износ оборудования и т. д. Положим, что она равна 30 рублям. Вторая часть — зарплата. Пусть она составит в нашем примере 50 рублей. А третью часть — прибыль — поделим в 20 рублей. А теперь представим, что этот товар, имеющий цену в 100 рублей за единицу, является каким-то условным средством производства.

Увеличим цену в два раза. Если зарплата не будет изменяться, то легко определить, что прибыль возрастет с 20 до 90 рублей, то есть в 4,5 раза. Прибыль расходуется на расширение производства. Но в новых условиях предприятие на эти цели может использовать в натуре столько же, сколько и до повышения цен, то есть 40 рублей. Ведь от роста цен не становится больше станков, кирпича, цемента и т. д. Остальные 50 рублей оказываются как бы «лишними».

Но они не исчезают. Они из безналичного оборота по тысячам различных каналов постепенно переходят к работающим. Это скажется на резком росте инфляции и дефицита. Такое уже быва-

ло, и не раз. Вспомним, еще в 1968 году мясом и маслом были буквально забыты все холодильники страны. Но вот результаты резкого повышения оптовых цен 1967 года дошли до населения. И уже в 1969 году эти продукты стали дефицитными. В 1983 году создались условия для некоторого снижения розничных цен. Но подошли результаты повышения оптовых цен 1982 года, и с 1984 года стал быстро нарастать общий дефицит потребительских товаров.

Таким образом, повышение оптовых цен не улучшает, а обостряет трудности в экономике. Вот еще один канал этого. Сейчас предприятия отчисляют часть прибыли в государственный бюджет и в фонды министерств. Отчисления в бюджет понятны. За счет них государство финансирует и строительство новых объектов, и образование, и оборону, и множество других общегосударственных потребностей. А вот куда идут министерские фонды, отчисления в которые много больше, чем отчисления в госбюджет? Убыточным или малорентабельным предприятиям.

Коллективы-передовики недовольны. Они своими достижениями покрывают убытки нерадивых. Передовому мало остающихся средств, чтобы совершенствовать производство. Отстающему тоже мало денег, получаемых от министерства, чтобы реконструировать устаревшую технику. Вот все и топчутся на месте.

При повышении цен, ясное дело, число прибыльных предприятий резко увеличится. Все или почти все будут получать прибыль. А раз есть прибыль, значит — хорошо работаешь. При этом перераспределение средств от передовых к отстающим будет замаскировано. Ведь от повышения цен товаров не станет больше, а отстающие за «хорошую» работу начнут требовать и получать за «заработанные» средства и новые станки, и премии. Меньше, чем ранее, останется для передовых. Вот это очень плохо. Амнистировать ценами техническую отсталость, низкое качество, некомпетентность руководства, бесхозяйственность и потери — это не улучшать, а ухудшать экономическое положение.

Нужно также понимать, что от уровня оптовых и закупочных цен зависит уровень розничных цен. Рогатки, которые упорно ставятся на пути превращения безналичных рублей в наличные, всегда, хотя и с трудом, но преодолеваются. В экономике не может существовать двух валют, это экономический абсурд.

Поэтому повышение оптовых цен безусловно требует и немедленного огромного повышения розничных цен. У политического руководства после повышения оптовых цен не остается никакого выбора в решениях. Ситуация похожа на то, как если бы поезд мчался без механизмов изменения скорости и тормозов. Политическое управление экономическими процессами будет утрачено.

Огромное повышение розничных цен на продукты питания (в 2—2,5 раза) с компенсационными выплатами населению не только не решит проблем дефицита и инфляции, но, напротив, усилит их. Это мероприятие, намечающееся Госкомцен СССР, может иметь роковое последствие для перестройки. Во-первых, компенсационные выплаты, которые целиком или частично должны распределяться в зависимости от среднедушевых доходов в семьях, нанесут экономический удар прежде всего по тем слоям трудящихся, которые служат социальной базой перестройки (интеллигенция, высококвалифицированные рабочие). Они, как правило, имеют более высокие заработки и относительно малочисленные семьи при двух работающих. Во-вторых, компенсационные выплаты могут резко обострить межнациональные отношения, так как перераспределение доходов произойдет в пользу республик с многодетными семьями. В-третьих, выплаты компенсаций в пользу низкодоходных групп населения усилят неравенство в распределении, нарушат пропорции в системе оплаты труда, что, конечно, снизит стимулы к росту производительности труда. В-четвертых, резкое повышение цен на продовольствие приведет к насильственной ломке привычного питания (что чрезвычайно усилит социальную напряженность), к абсолютно непредсказуемым изменениям в структуре спроса (ни в одной стране мира никогда так резко и одновременно цены не повышались).

Все изложенное позволяет сделать вывод, что невиданное по масштабам повышение цен и тарифов в нынешней социальной и политической ситуации приобретает характер безоглядтой авантюры, осуществление которой может привести к пагубным последствиям.

Что же делать?

Прежде всего надо осознать, что нам нужно не простое повышение цен всех видов, а действительно радикальная реформа ценообразования. А это предполагает самое решительное измене-

ние способов определения цен. Вместо предельно централизованного установления цен нужно ввести свободное ценообразование в рамках социалистического рынка.

Но вот здесь какая сложность. Свободное ценообразование (чтобы производитель любой продукции мог договориться о цене с потребителем) можно вводить лишь тогда, когда разработаны методы управления рынком. Ведь ясно же, что в условиях дефицита производители немедленно повысят цены. Об этом свидетельствует опыт социалистических стран: Польши, Венгрии, Югославии, Китая.

Значит, прежде чем совершить переход к свободному ценообразованию, нужно стабилизировать рынок. Только в этом случае он станет управляемым. Иначе неизбежен стихийный рост цен. Надо, следовательно, устранять дефицит.

Тяготы, связанные с коренной перестройкой экономики, глубинными структурными изменениями в производстве, в выведении производительных сил общества на современный мировой уровень, будут нести, если смотреть правде в глаза, в любом случае трудящиеся. Но вопросом, имеющим решающее значение, является то, будут ли они нести эти тяготы как потребители (за счет снижения уровня жизни) или как производители (за счет интенсификации и повышения качества труда).

Повышение цен, крупное разовое или постепенное, с компенсациями или без них, означало бы, что все тяготы, связанные с ликвидацией дефицита, были бы «по-братски» распределены между всеми членами общества. Между тем основная масса трудящихся не имеет прямого отношения к возникновению дефицита. Не все одинаково работали раньше и работают сейчас. Поэтому «братское» распределение тягот нельзя считать справедливым.

Следовательно, нужно искать другие способы преодоления дефицита. И они есть. Это прежде всего снижение затрат всех видов. Много говорят об убыточности производства мяса и мясopодуKтов, молочных и иных товаров. Розничные цены не покрывают затрат. Но какие это затраты, чтобы их покрывать более высокими ценами? Ведь потери тех же мясopодуKтов огромны. Они достигают 10 и более процентов. Значительно больше потери других продуктов: овощей, фруктов, зерна...

Второй путь преодоления дефицита и инфляции — решительный отказ от экономической «подкорки» убыточных и неэффективных хозяйств. В стране насчитывается 6,5 тысячи колхозов и совхозов, которые работают с убытками. У многих хозяйств оплата труда превышает валовой доход. Их, в сущности, содержат те, кто лучше работает.

Надо ли держать убыточные хозяйства, которые в буквальном смысле слова сами себя не кормят? Ведь они практически только потребляют, но ничего не дают обществу. А повышение цен опять легализует положение таких «хозяйств».

Есть ли и другие возможности для уменьшения затрат? Конечно. По расчетам, ликвидация только 2—3 процентов самых отсталых предприятий приведет к сокращению расходов в народном хозяйстве на 10—12 процентов не только без уменьшения объема производства,

но даже при его увеличении. Ведь передача передовым предприятиям сырья, материалов, энергии, трудовых ресурсов позволит увеличить выпуск продукции. Но не обязательно закрывать убыточные предприятия. Иногда их нужно просто передавать в собственность коллективам. Так, гравийный завод в Кировской области ежегодно приносит не менее миллиона рублей убытка — без малого по 12 тысяч на работающего. Понятно, что если кто-то приносит в месяц по тысяче рублей убытка, то он не только иждивенец, который живет за счет другого, но на него работает еще 5—6 человек, чтобы своим прибавочным трудом компенсировать «деятельность» такого работника.

Сейчас завод превратился в кооператив «Гравийный». И за четыре месяца работы не только избавился от убытков, но и получил 20 тысяч рублей прибыли. Кооператоры сами зарабатывают на хлеб свой насущный, и хорошо зарабатывают — в среднем по 500 рублей в месяц. А выпуск гравия и песка увеличился на треть.

Третье важное направление ликвидации дефицита — всемерное поощрение производства высокодоходных товаров, которые, кстати, довольно часто дефицитны — например, женских колготок, книг и журналов, бытовой радиотехники и т. д.

Четвертое направление — решительное сокращение расходов государственного бюджета на финансирование различного рода «строек века», экономическая эффективность которых весьма сомнительна и реальную отдачу от которых можно получить лишь через 15—25 лет.

Есть и другие направления работы по оздоровлению экономики. Но работники центральных экономических ведомств, обычно соглашаясь с тем, что нужно снижать затраты, тотчас же указывают на то, что дефицит надо устранить немедленно, а это можно якобы сделать только повышением цен. Но можно, и не повышая цены, в самое ближайшее время увеличить предложение товаров минимум на несколько десятков миллиардов рублей.

Во-первых, надо увеличить продажу тех товаров, которые залежались в торговле и на складах предприятий, товаров, производство которых может быть быстро увеличено: хрустальной и фарфоро-фаянсовой посуды, ковров, изделий из серебра и мельхиора, многих ювелирных изделий, отечественной радиотехники (кроме телевизоров), тканей и трикотажа из синтетических и искусственных волокон, постельного белья, изделий из натурального меха, женских капроновых колготок и т. д. Понятно, что продать их можно, лишь снизив розничные цены на 25—30 процентов. Снижение цен не только позволит увеличить товарооборот. Оно укрепит доверие широких масс трудящихся к перестройке.

Во-вторых, нужно резко (в несколько раз) увеличить розничную продажу некоторых видов средств производства (оборудования, приборов, транспорта...). Прирост товарооборота может составить, по нашим расчетам, не менее 5 миллиардов рублей. Приобретение таких средств производства кооперативами и отдельными гражданами позволит уже в самом ближайшем будущем существенно увеличить производство товаров народного потребления и услуг.

В-третьих, крайне необходимо увеличить рыночные фонды на все виды стройматериалов по меньшей мере в два раза. Это также прибавит к товарообороту несколько миллиардов рублей. На эту же сумму следует уменьшить расходы по государственному капиталу. Рост розничной продажи стройматериалов, особенно в сельской местности, позволит увеличить объем жилищного строительства за счет средств населения без уменьшения вводимого жилья в целом по стране.

В-четвертых, полностью использовать возможности внешней торговли для увеличения внутреннего товарооборота. Некоторые экзотические предприятия взять у капиталистов кредиты и на них приобрести потребительские товары. Однако это очень опасный путь. Внутренний товарооборот можно увеличить на полтора-два десятка миллиардов рублей только за счет оптимизации структуры как импорта, так и экспорта.

Надо увеличить импорт товаров народного потребления, которые продолжают оставаться дефицитными и приносят не менее 7—10 рублей внутреннего товарооборота за 1 инвалютный рубль. Среди этих товаров радиоэлектроника, растворимый кофе, кофе в зернах, какао-бобы, чай, цитрусовые, рыба и т. п. Необходимо увеличение импорта этих товаров примерно в два раза, то есть на 1—1,5 миллиарда инвалютных рублей. Их можно получить за счет изменения структуры закупок (меньше покупать не такие эффективные товары народного потребления).

Следует особо отметить, что правительство сейчас начало действовать именно в этих направлениях, то есть сокращать лимиты централизованных капитальных вложений и строительно-монтажных работ, увеличивать продажу стройматериалов и разного оборудования гражданам и кооперативам, уменьшать расходы на содержание аппарата управления, повышать эффективность внешней торговли и т. д.

Многие мероприятия в области цен можно начать уже сейчас. Так, **нужно более существенно дифференцировать цены в зависимости от качества продукции**. Возьмем цену на то же мясо. Мороженое, которое продвигается из-за границы, продавать по два рубля. А охлажденное, парное — дороже. Дифференцировать цену разных частей туши.

Или — продавать дороже экологически чистый продукт. Сейчас десять копеек стоит и картошка, напичканная химией, и экологически чистая. А должно быть так: хочешь есть мясо, выращенное на естественных пастбищах, иди в магазин и плати за килограмм десять рублей. Картошку, выращенную без удобрений? Плати рубль. Хлеб, выпеченный на особых дрожжах? И за него уплати больше. И, кстати, получая доход от повышения цен, не следует торопиться немедленно пускать его в оборот, ведь далеко не каждый рубль обеспечен товаром. Государство будет как бы выкупать неоправданно выданный рубль; пусть он приходит в бюджет, но не рассматривается как доход. Вот так можно ликвидировать неудовлетворенный спрос.

Словом, не повышать цены нужно, а реформировать ценообразование, финансирование, кредитование, денежный оборот.

Следует создать механизм, который сдерживал бы гонку цен. Необходимость этого ощущают все. Но, к сожалению, создается впечатление, что бюрократические подходы здесь пока берут верх. Об этом свидетельствует опубликованное в начале февраля нынешнего года постановление Совмина СССР «О мерах по устранению недостатков в сложившейся практике ценообразования».

Читаешь это постановление и приходишь в состояние шокового удивления. Ведь по форме-то все вроде и верно. Осуждается практика постоянного роста цен. Но Госкомцен СССР (выступающий «забойщиком» концепции роста цен и тем снискавший к себе едва ли не такую же задушевную ненависть подавляющего большинства граждан нашей страны, как и небызвестный Минвостхоз СССР), под руководством которого сложилась практика бесконечного роста цен, осуждается лишь за «слабую координацию». Оказывается, он «недостаточно привлекает общественные организации», «мало уделяет внимания профилактике» и т. п.

Что же входит в число мер по недопущению роста цен? Опять «повысить роль госзаказа», «принять меры к совершенствованию», «решительно пресекать повышения цен» и т. д. Но особенно «новизной» отличаются приказы «усилить контроль за качеством и ценами», «принять необходимые меры» к тому, чтобы цены на картошку и овощи не росли, «усилить контроль за правильным применением цен», а «цены и тарифы не должны повышаться» и для этого нужно «существенно улучшить работу по контролю», «не допускать необоснованного повышения цен» и «обеспечить неотвратимость применения санкций».

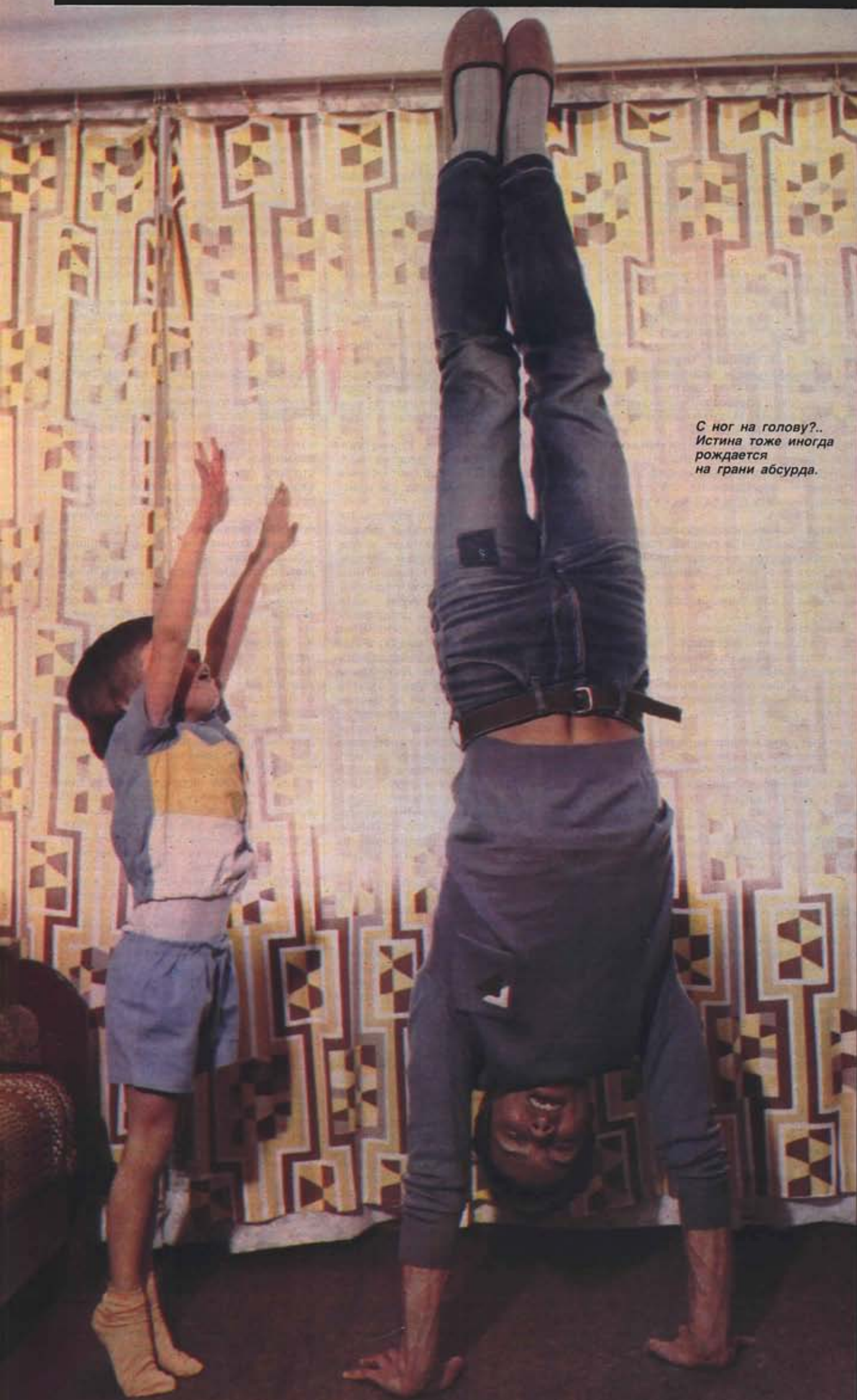
Все в лучших бюрократических традициях. Работников Госкомцен СССР воспитывают как малых ребятшек, которым невдомек, что и как делать. Возникает вопрос — а что, Госкомцен до этого постановления не догадывался, что у нас практика сводится к росту цен? Знал. И не только знал, но и подготовил предложения по небывалому их повышению.

Что же касается приказа «цены и тарифы не должны повышаться», то он очень напоминает совет лекаря, который серьезным тоном приказывает больному не болеть и температуру впредь не повышать.

...Вроде бы проблема цен потеряла свою остроту. На мартовском (1989 г.) Пленуме ЦК КПСС было объявлено, что в ближайшие два-три года розничные цены останутся без изменений. Можно бы и успокоиться?

Но оптовые-то цены будут повышаться! Причем затеяно это всерьез, уже готовы новые прецеденты на уголь, нефть, электроэнергию, средства производства... Наивно думать, что сие не затронет рядового потребителя. Экономика у нас одна, рубль один, деление его на «безналичный» и «наличный» — просто условность. Повышение оптовых цен будет означать резкий рост инфляции, и после этого политическому руководству ничего не останется кроме как повышать розничные цены.

Повышение любых цен создаст крайне тяжелую ситуацию. Ученые нашего института разрабатывают варианты, которые дали бы возможность избежать этой акции. Не надо торопиться с повышением оптовых цен!

*С ног на голову?..
Истина тоже иногда
рождается
на грани абсурда.*

Глубокой ночью, с 26 на 27 марта, в небольшом конференц-зале Архангельского горисполкома окружная избирательная комиссия сообщила: за Кондакова проголосовало 49,79 процента избирателей, за Барашкова — 39,66 и за Садкова — 5,43.

— Это ж надо! — обескураженно сказал кто-то из сидящих рядом со мной, — не хватило каких-то долей процента...

Мне, присутствовавшему при работе счетной комиссии, была известна «недостача» не только в относительном, но и в абсолютном измерении — 466 голосов.

Вернувшись в Москву, в Центризбиркоме выяснил: такой «недобор» оказался рекордно малым в масштабе всего Союза...

«ЕЩЕ

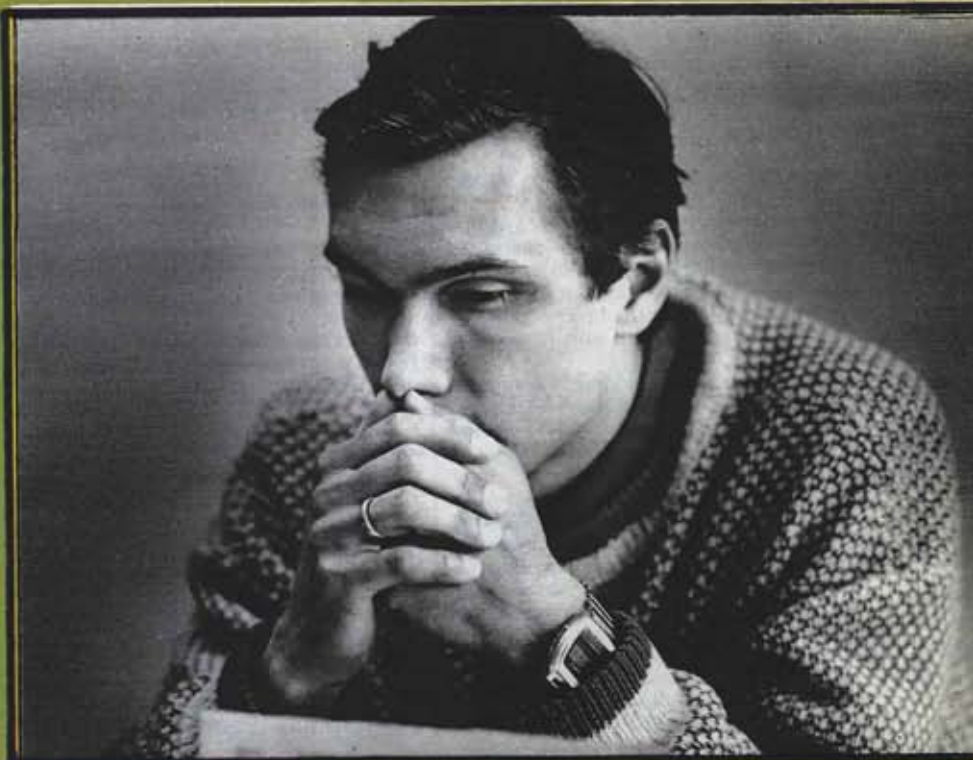
Валерий МАЙОРОВ

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

Михаил Кондаков, оказавшись лидером по числу полученных голосов, победы на выборах 26 марта не одержал. Я пишу эти строки за неделю до повторного голосования и даже стараюсь не предполагать, каким окажется их результат. Правда, должен признаться: не беспристрастно ожидаю того, чем закончится напряженная, изнурительная, нервная, порой выходящая за рамки корректности (не по вине кандидатов!), предвыборная борьба в Архангельске. Но все же интересует меня иное: кто они, отважившиеся, выражаясь старым штилем, ступить на стезю государственной политической деятельности? На какой сумме социальной, нравственности, интеллекта базируются их взгляды и подходы к перестроечным процессам? Доста-

точен ли запас гражданской активности, смелости, принципиальности или это рыцари на час, оказавшиеся на гребне общественного интереса в силу тех или иных случайностей, чьего-то конъюнктурного расчета, кабинетных игр?

И понятен наш интерес к Михаилу Кондакову — он один из немногих в стране молодых рабочих, попавших после «отборочных раундов» предвыборной кампании в списки для голосования. Определяющим моментом служило для нас и то, что кандидатуру Михаила, наряду с несколькими производственными и учебными коллективами, собранием жителей микрорайона, выдвинул и пленум Архангельского горкома ВЛКСМ. (Тут следует, пожалуй, заметить, что в былые годы такое обстоятельство осталось бы абсолютно незамеченным. А ныне дало повод противникам Кондакова говорить о нем как о «ставленнике аппарата».)

Нелегко путь в политику.

Выборы прошли. Выборы — впереди!

Накануне выборов газета «Моряк Севера» провела небольшой опрос экипажей судов, находившихся вдалеке от родного порта. Вот радиogramма, пришедшая от В. Дятлова, капитана теплохода «Константин Юон»: «Буду голосовать за Кондакова. Он смел и бескомпромиссен в постановке принципиальных вопросов. За его плечами уже есть реальные депутатские дела. Как рабочий человек Михаил малоуязвим для бюрократов. Тем более что, работая над своим самообразованием (знаю, к примеру, что Кондаков один из самых активных членов философско-политического клуба), Михаил здорово вырос как оратор, полемист, умеющий аргументированно и убедительно отстаивать свои взгляды»...

С. Груничев, секретарь партийной организации теплохода «Бакарица»: «Кондаков не случайный кандидат. Он человек неравнодушный, горячий. Те проблемы, что поднимает, не носят местнического характера. Они злободневны, насущны для всей страны»...

Мнение плотника технической службы пароходства А. Тюхова: «Жаль, что из трех кандидатов по нашему округу пройдет только один. Но не будем забывать о выборах и в местные Советы. Сегодняшних кандидатов, не прошедших в парламент страны, мы сможем избрать, к примеру, в областной Совет... Что до завтрашних выборов, то склоняюсь сердцем к Барашкову. А умом и двумя руками проголосую за Кондакова».

...В три часа ночи 27 марта на выходе из конференц-зала горисполкома я говорил Михаилу, чтобы не огорчался, не вешал носа, что он лидирует и что вообще будущее за такими, как он, Кондаков. Но мои утешительные «примочки» в общем-то не очень были нужны ему:

— С самого начала трезво смотрю на вещи и готов к любому исходу. Через две недели ситуация может сложиться не в мою пользу. Но если ввязался в политику, надо осознавать, что это не спорт: здесь не обязательно победа за сильнейшим...

Кондаков хотел еще что-то доба-

ПОБОРЕМЯ !..»

вить, но в этот момент в него вперилось око телекамеры, и он улыбнулся интервьюеру, подошедшему с микрофоном...

«Грумант», впаиванный в пожелтевший, простеганный вдоль и поперек людскими тропами лед гавани, стоял у причальной стенки завода «Красная кузница».

По сухопутным понятиям, на буксирном катере портофлота шел капитальный ремонт, называемый на морском языке большим заводским, после которого предстояло идти на класс регистра, то есть получать как бы новый паспорт.

Ступив со льда на мостки, мы поднялись вслед за Кондаковым на палубу. Заметив нас, навстречу вышли одетые в каски парни — члены экипажа, Мишины товарищи.

Кондаков — моторист на «Груманте». Конечно, интереснее было бы побывать на судне во время работы, когда небольшая и неказистый буксир манипулирует в акватории порта океанскими лесовозами, сухогрузами, заводя их на стоянки, к пирсам или же, наоборот, выводя на большую морскую дорогу.

С виду это самая что ни на есть черновая, однообразная работа. Ни тебе романтики дальних странствий, ни мало-мальского морского антуража. А поди ж ты! — попасть в экипаж такого суденышка, оказывается, не так-то и легко. Если открывается вакансия, новичок проходит не формальный, а придирчиво контролируемый испытательный срок. Остаются только профессионалы, трудяги, да и натурой не мелкие, не рвачи и не ловчицы. Потому-то на «Груманте» (впрочем, как и на «Поморе», «Севере», «Мурмане» и других портовых буксирах Северного морского пароходства) такой сбитый, стабильный, хотя и молодой в возрастном отношении коллектив. За последние годы нагрузки здесь выросли (одновременно с сокращением штата) — отсюда и омоложение экипажей. Опровергающее, к слову, одно из расхожих стереотипных представлений о молодых моряках: среди них, оказывается, немало таких, кто не видит первостепенного смысла в «загранке», во всяких там валютных приобретениях, если ради этого надо надолго покидать семью.

В экипаже «Груманта» четырнадцать человек.

...Миша Кондаков пришел сюда шесть лет назад. После армии. Успев закончить перед воинской службой техническое училище, где и приобрел специальность.

На многих предвыборных собраниях избиратели задавали ему вопрос: не собирается ли он продолжать свое образование? Иногда по интонациям чувствовалось: вопрос «на засыпку», с намеком на высокий образовательный уровень его конкурентов по предвыборной борьбе. В первую очередь Юрия Анатольевича Барашкова, доцента Архангельского лесотехнического института, популярного в студенческой среде, известного в городе выступлениями против командно-бюрократических структур.

Что мог ответить Миша? Что рос без отца, а мать получала более чем скромную зарплату? Что все десять классов отучился хорошо, но как-то само собой предполагалось, что надо после школы самому зарабатывать на жизнь? Все это так. Но корень-то в другом. В том, что любит он свой буксир. И работу моториста. Он так и отвечал:

— Не думаю в ближайшем будущем менять место работы.

В одной из аудиторий услышал от Кондакова более пространственный ответ на вопрос, ставший типичным.

— Закономернее все же говорить об образованности, а не об образовании. Если нет таланта, призвания к научной работе, то никакой диплом не поможет стать ученым. И наша общая беда в том, что многие на своих рабочих местах с дипломами и знаниями остаются дилетантами. Уверен: наступившее время изменит систему ценностей. Мы лишь тогда выйдем из застоя, когда на любом месте будет первоклассный

профессионал. Ну, а если человек он еще и с широким кругозором, умеющий объясняться и доказывать свою правоту не междометиями или по бумажке, если имеет независимый взгляд на вещи, так важно ли, есть у него диплом или нет?!

Кондаков — хороший оратор. Логичен и лаконичен. Хотя иногда чересчур резок — эту свою слабость он знает и, похоже, потихоньку избавляется от нее. С ним интересно говорить. Особенно на экономические темы, которые-то и волнуют нас сейчас больше всего. Этот предмет он знает в объеме многочисленных публикаций последних лет плюс соответствующие работы Ленина, плюс свои соображения, связанные с личными наблюдениями, так сказать, по месту работы и жительства.

Я спросил Кондакова, что он считает главным, стержневым в предвыборной программе?

— Хотим того или нет, но мы будем иметь столько демократии, политической культуры, социальной справедливости, сколько позволит нам экономическое состояние общества. Поэтому приоритетное внимание отдаю развитию экономики, где решающий фактор — отношение людей к труду. Мы работаем плохо, потому что работаем не «на себя». Мы должны — просто обязаны! — вернуться к здравому смыслу, передав абстрактно обобществленную собственность настоящим хозяевам: землю — крестьянам, фабрики — рабочим... Реформа хозяйственного механизма станет предпосылкой демократизации политической системы... Это, считаю, основа основ!

В один из вечеров я приехал в ЖЭУ № 5. Расположено управление в одной из многоэтажных жилых коробок по улице Тимме. В этот вечер Михаил как депутат Октябрьского районного Совета вел прием избирателей.

...Полчаса — никого нет. Час — никого нет. Полчаса до окончания дежурства — никого нет.

— А ты знаешь, я доволен, что никто не пришел.

Я даже опешил — и это говорит депутат?

— Не удивляйся, — успокоил Кондаков. — Не пришли, значит, в моем микрорайоне ни у кого не течет кран, не протекает крыша, не пропадают из почтового ящика газеты и журналы, ну и так далее...

Так вот в чем дело! Не знаю, как там с избранными рангом повыше, а депутатам райсоветов, если судить по опыту Кондакова, на дежурствах приходится, по сути дела, заменять то бюрократа-управдома, то нерадивого работника ЖЭУ, то еще какого-нибудь чиновника из нашей доблестной коммунальной службы.

И мы на пару с Мишей стали мечтать — как должна измениться депутатская работа на местах? Ведь именно с таких низов при истинно демократической системе начинается ток идей и инициатив, поднимаясь к самым вершинам власти. Не это ли именно и имел в виду Ленин, когда сказал про кухарку, участвующую в государственном управлении, что, однако, было воспринято и реализовано сталинскими конституционерными столь извращенно и схоластично — депутатские мандаты по разнарядке. (В скобках замечу: и в нынешней выборной кампании не избежали мы этого. Как-то еще аукнется инертная тяга к обязательному «представительству»?!) Михаил высказал, по-моему, дельную мысль: когда пройдут выборы в местные Советы, от дежурств по жэкам и прочим присутственным местам надо отказаться напрочь. А в городских и районных исполкомах, во Дворцах культуры создать депутатские центры, работающие, как и Верховный Совет СССР, постоянно. Может быть, перекинуть сюда одну-две штатные исполкомовские единицы; привлечь к работе в этих центрах активистов из неформальных объединений и групп, доверенных лиц депутатов, их добровольных помощников. Пусть они предварительно прорабатывают поступающие указы и передают их тому или

иному депутату для конкретных решений в бытовой сфере, культурной или гражданско-политической. И такие центры, где будут объединены народные избранники всех рангов, помогут и «неформалам» устанавливать контакт с исполнительной властью, предупреждать социальное напряжение...

А знаете, с чего начался Михаил Кондаков как общественный деятель? С привода в милицию...

Три года назад в один из летних дней в центральном универсаме двое парней, стоящих под плакатом, собирали подписи. На плакате местного художника Валерия Федухина сверху была крупная надпись «Мы против!». Под ней — силуэт человеческого сердца, пересеченный строкой: «Проект сброса части вод северных рек на юг». Одним из парней был Михаил Кондаков. Он первым откликнулся на призы молодежной газеты провести акцию протеста.

Для Архангельска той поры это было необычно. А необычное пугает, вызывает синдром запретительства. На всякий случай сборщиков подписей забрали в отделение.

Сейчас, когда в городе вспоминают этот случай, акцентируют внимание на том, что в конце концов Михаил на деньги, собранные комсомольцами портофлота, поехал в Москву и доставил подписи в «Правду», тем самым внеся архангелогордскую лепту в борьбу с пресловутым «проектом века». Меня же куда больше радует тот факт, что Михаил в отделении «обратил в свою веру» самих работников милиции...

Случай этот сыграл свою роль и в том, что вскоре Кондакова выдвинули кандидатом в депутаты райсовета. (Два года назад это значило: выдвинули — следовательно, и избрали.) Но вскоре кое-кому, видимо, пришлось пожалеть об этом.

В октябре позапрошлого года (правда, после энергичного вмешательства из Москвы) по областному телевидению был показан сюжет, снятый оператором Стасом Новицким, долгие месяцы не допускавшим местными властями к показу, — о служебных злоупотреблениях при заселении престижного дома, построенного «на набережной». Это территория Октябрьского района областного центра, и поэтому депутат Кондаков решил вмешаться в «скользкое» дело. Переговорил с автором фильма, изучил соответствующие документы и на очередной сессии райсовета, состоявшейся через две недели после телепередачи, сделал депутатский запрос.

— Получил я тогда хороший урок, — вспоминает Миша, — но усвоил его не так, как предполагали некоторые.

Суть преподанного урока такова: депутаты решили рассмотреть поставленный вопрос лишь на следующей сессии. Тогда Кондаков предложил: ордера на квартиры, незаконно полученные должностными лицами, признать недействительными. Но и это предложение поддержано не было. Да и могли ли его поддержать те «слуги народа», для которых исполкомовский чиновник тридцать, как бог — и отец, и сын, и дух святой?!

— Ничего, уходят эти времена, — говорит Кондаков. — Жаль только, что некоторые под занавес успевают разжиться. И никаким законом их не достать.

— Но переделать законы по силам новым депутатам.

— К тому дело и идет...

Я соглашаюсь с Михаилом и думаю о том, что ему и многим другим, не только воспринявшим, но и работающим на перестройку, удастся осуществить все задуманное. Отдать заводы рабочим. Землю — крестьянам. Морские суда — морякам... Построить в Архангельске детские парки, возродить народные промыслы, привести к расцвету захиревший, но еще до революции прославившийся яхт-клуб.

Да мало ли чего удастся, если взяться за дело со здравым смыслом и чистой совестью!

...Впрочем, вряд ли удастся Мише получить в ближайшем будущем новую квартиру (хотя кто-то пустил по городу подленький слух, что он, дескать, уже живет в «доме на набережной») — когда еще подойдет его очередь в портофлоте? А на какую-либо «внеочередность» (если вдруг предложат) он не пойдет. Совестлив.

В одной из бесед с Кондаковым затронули тему депутатов-рабочих. Я рассказал о телепередаче, прошедшей по московской программе незадолго до нашей командировки. В ней представитель Центральной избирательной комиссии, говоря о низком проценте зарегистрированных кандидатов-рабочих, заметил, что надо, мол, что-то предпринимать. (?)!

— А что? — саркастически воскликнул Кондаков. — Устроить «разгон учредительного собрания»?

— При выборах, вероятно, число рабочих снизится еще, — предположил я.

— Согласен, — уже спокойно сказал Кондаков, — но давай посмотрим на вещи здраво, без предвзятости и эмоций... В большинстве своем чьи интересы представляли депутаты-рабочие в прежних Советах? Трудящихся? Отнюдь. Все той же административной системы, ее аппарата, который и отбирал из рабочей среды удобных для себя кандидатов. Тех, кого можно было приручить, не будем говорить о том, что любовью, настоящим уважением такие «выдвиженцы» не пользовались прежде всего среди самих рабочих. Они, хотя и не по своей воле, дискредитировали, подорвали авторитет рабочего класса и его политическую активность... И то, что в народные депутаты сейчас выдвинуто мало людей «от станка» — вполне закономерно. Но, уверен, положение будет быстро меняться, рабочий класс скажет свое слово, восстановит свой авторитет...

Да и потом, — продолжал Кондаков, — претит мне само это деление по анкетным признакам, когда речь идет о высшем государственном органе власти, где должны собираться сильные умы, независимые и дальновидные, способные выработать и принять законы, которые помогут стране выйти из тупика.

...Кондаков как в воду глядел. Когда материал был уже написан, я узнал, что при повторном голосовании народным депутатом избран Барашков.

Сначала я удивился — и это после такого «предварительного» преимущества Михаила? По недолгом размышлении понял — да ничего сверхъестественного нет: просто логика политической борьбы не укладывается в рамки наших прежних представлений. Сейчас, когда на обломках дрессированного послушания и «одобрямс» рождаются новые принципы политического жизнеустройства, нам предстоит эту логику осмыслить и освоить. И мы искренне поздравляем Юрия Анатольевича — выбор, сделанный народом, сомнению не подлежит. Не усвоим такой подход в качестве постулата — быть нашей демократии похожей на срубленную к новому празднику елку, где под привлекательной мишурой кроются оговорки, ограничения, запреты...

Ничего. Подростем. Освоимся. Поудивляемся и привыкнем к неисповедимости поворотов и зигзагов соперничества за мандат. Научимся анализировать ход предвыборной борьбы, собственные ошибки в ней.

Такова настоящая политика. Искусство возможного, как ее называют...

А как же Миша?

Звоню ему спустя несколько дней:

— Огорчен?

— Было. Уже прошло. Главное, — избран депутат достойный. А выборы — они ведь не последние. Поборемся еще...

Рад за такой ответ. Рад за человека, имеющего силы и способности для общественно-политической деятельности. И имеющего вдобавок великое преимущество — молодость, когда все впереди.

...В его годы так начинать нам было не дано.

ПОДРОБНО

Владимир ГРАЧЕВ,
старший оперуполномоченный уголовного розыска

Раньше у милиции было орудие — Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с хулиганством» от 26 июля 1966 года, по которому за повторное в течение года мелкое хулиганство человек привлекался к уголовной ответственности и мог быть наказан годом лишения свободы. Сейчас этот Указ отменен, и борьба с хулиганством практически приостановилась. А я знаю по собственному опыту: первый шаг ко многим преступлениям — это, как правило, именно мелкое хулиганство, если оно остается безнаказанным. «Мелкие» хулиганы быстро превращаются в «профессиональных» хулиганов, тунеядцев, воров.

Нет правовой основы и для борьбы с тунеядством. Раньше все было ясно: не работает человек без причин и не учится — держи ответ. Теперь же можно жить на сбережения, оставшиеся от родителей, или собирать бутылки, или зарабатывать иным нечестным путем. И милиция ничего поделать не может. Надо доказать, что тунеядец живет на нетрудовые доходы. А чтобы это сделать, нужно к каждому трех оперативников приставить. Так никакой милиции не хватит.

А тунеядцы — почти готовые кадры для уголовных преступлений. Особенно те, кто вернулся из мест лишения свободы. Многие из них не только готовы пойти на нарушение закона, но и вербуют себе помощников, разлагая подростков.

Расплавчат закон по поводу ареста лиц, совершивших преднамеренные преступления. Многих преступников, увы, оставляют до суда на свободе. И пока мы собираем доказательства, они шантажируют или подкупают свидетелей, угрожают потерпевшим и их родственникам, совершают новые преступления. С подобными случаями я в своей практике сталкивался не раз и не два. А в результате участники процесса меняют показания, а дело, побывавшее в суде, возвращается на дознание. Я, как и многие практические работники, считаю: тот, кто совершил умышленное преступление, до суда должен находиться под стражей.

Неточно сформулирована и статья 208 УК (скупка краденого). Необходимо, чтобы законодательно была закреплена возможность привлекать к ответственности лиц, скупающих и продающих краденую промышленную продукцию, например, кислородные баллоны, покрышки от электрокаров, аккумуляторы с грузовых машин. Если у нас будет право изымать такую продукцию и налагать на скупщиков штраф, раза в три превышающий стоимость изъятого, сбывать краденое станет некуда.

Несовершенство законов, которое мы, работники милиции, чувствуем, что называется, на своей шкуре, происходит оттого, что их разрабатывают и принимают келейно. Законодательством должны заниматься не только чиновники Минюста и специалисты из научно-исследовательских институтов — советоваться по этому поводу надо и с рядовыми работниками правоохранительных органов (тем более, что у многих из нас высшее юридическое образование), и со всем народом. Касается это не только тех или иных статей уголовного и гражданского кодексов, но и — причем в гораздо большей степени — принятия новых законов, постановлений.

Одним из примеров разработанного келейно, недемократично закона стал фактически не работающий Закон о нетрудовых доходах. За все время его действия не припомню случая, чтобы кого-то привлекли по нему к ответственности. По-прежнему практически невозможно наказать мошенников, вовлекающих простаков в игру в наперсток. А сколько нигде не работающих торговцев цветами, имеющих большую

выручку, которая не облагается никаким налогом!

По-моему, с нетрудовыми доходами надо бороться иначе. Не так уж много людей у нас имеют возможность на зарплату купить машину, дачу. Зарплаты обычно хватает семье только на самое необходимое. И непонятно, почему люди, получающие зарплату значительно меньшую, чем я или мои товарищи, открыто живут намного обеспеченнее.

Наверное, стоит изменить отношение к тайне вкладов. Зачем делать из вклада тайну, если деньги заработаны честным путем? Это «работает» на тех, кто живет нетрудовыми доходами.

Нам просто необходима и налоговая инспекция, которая контролировала бы доходы и их источники. Она поможет раскрыть хищения и другие преступления. Во многих странах такая служба действует давно и эффективно.

Еще один пример бездействия келейно принятого постановления — слабая эффективность борьбы с пьянством. Возложена-то она фактически на одну милицию. У нас в Апрелевке два винных магазина и два ресторана. Зато ни здесь, ни в поселке Кокоскино, ни в населенных пунктах поблизости невозможно победить всей семьей, купить мороженого, выпить чаю. А вот вино привозят ежедневно. Люди в рабочее время стоят в очередях, но ни один местный руководитель не поинтересовался, сколько его сотрудников стоят за водкой. На предприятиях администрация старается не замечать пьяных рабочих. За спиртным приезжают на личном и государственном транспорте.

Лечение в наркологических диспансерах пока малоэффективно. Например, из 180 человек, которых я отвез на лечение в 1979 году, бросили пить и не пьют до сих пор... шестеро. Практически безрезультатно и лечение в ЛТП. Приходя оттуда, алкоголики начинают пить с первого дня — водку и самогон достать нетрудно...

Но вернусь к нашим болячкам. «Секретно», не советуясь с низовыми работниками, проводят в милиции кампании по укреплению той или иной службы. Лет двадцать назад основную роль в правоохранительной работе отводили участковым, тогда говорили, что успех дела решают именно они. Затем кому-то наверху показалось, что на первый план надо выдвинуть уголовного розыска. Выдвинули. Спустя пару лет посмотрели, что получилось: больше стало хищений. Стало быть, решили чиновники, центр тяжести надо перенести на ОБХСС. Перенесли... Теперь новое явление: профилактическая работа по месту жительства. Значит, снова надо укреплять корпус участковых. Сегодня делается многое для укрепления этой службы, участковым предоставляются всевозможные льготы. Но кто знает, какая служба окажется в центре внимания завтра?..

Уголовный розыск сейчас вниманием обделен, а следствие этого — падение престижа и неизбежный кадровый дефицит. В нашем отделении, например, две вакансии и одна из них свободная уже два года... Какая тут профилактика преступности! Работаем по 12 часов без выходных.

Раньше часть преступлений раскрывали участковые. Я, например, в свое время сам будучи в этой роли, рассматривал заявления о мелких кражах. Теперь же какой-то умник решил, что участковым этим заниматься не следует.

Дело не только в нехватке людей и их профессиональной подготовке, но и в их желании отдавать себя нашей нелегкой работе. В милицию сейчас приходит немало тех, кто желает получить зарплату, не особенно утруждая себя. Можно ли ждать от них непримиримости к тунеядцу, взяточнику, расквителю? Сколько еще в нашей системе людей с образованием, но не гото-

вых к опасной службе, где все решает знание, любовь к профессии и к людям, на страже интересов которых мы должны стоять. Поэтому для нашей работы надо не только обучать, но и воспитывать. По-моему, самое подходящее для этого — создание милицмейских школ по типу суворовских училищ.

Не все ладно, по-моему, и с распределением обязанностей внутри милиции. Самая большая нагрузка ложится на уголовного розыска. На ОБХСС и инспекцию по делам несовершеннолетних — значительно меньше. Надо бы объединить все эти подразделения, а также участковых в одну службу. За одним сотрудником закрепить участок и поручить ему все вопросы, которыми занимается сейчас каждый отдел. На таком участке будет не более 2—3 тысяч жителей — куда меньше, чем в ведении участкового сейчас.

Такой «новый участковый» будет отлично знать людей и положение дел в своем округе, установит прочные контакты с населением — для профилактики преступности дело незаменимо.

Такое преобразование сделает ненужным многие кресла в «верхнем» аппарате. Куда меньше станет рутинной писарской работы. Оперативный работник будет специалистом прежде всего. Можно будет объективно оценить работу каждого. Причем не должно иметь значения, где ты раскрыл преступление — на своем ли участке, на соседнем или на территории другого ОВД. (Сегодня преступление, раскрытое на чужой территории, в актив сотрудника или отделения почему-то не засчитывается.)

Надо напрочь исключить возможность и желание фабриковать липовые показатели для получения незаслуженных поощрений и продвижения по службе. Показатель «раскрываемости преступлений» — это не только мое мнение — должен быть упрямден, и как можно скорее. Уголовное дело надо возбуждать, только когда преступник найден. Если нет — вести уголовное преследование и заводить карточку с характеристикой преступления. Не надо будет «лепить» липовые и отказные постановления, составлять липовые отчеты...

И еще об одном необходимо сказать. Наверное, многие работники милиции — в особенности из органов БХСС — попадали в такую ситуацию: выходящи на те или иные хозяйственные нарушения, и тут звучит команда из райкома (райисполкома): «Такого-то (крупного руководителя) — не трогать». Ситуация характерная для застойного времени, когда на должности в партийные и советские органы не выбирались, а назначались удобные люди, когда руководители — депутат уже по должности. Сейчас в связи с реформой политической системы многое, надеюсь, переменится, но тем не менее убежден, что милиция не должна быть отделом того или иного исполкома. Ее нужно выводить из подчинения районных властей. А работники правоохранительных органов не должны состоять на партийном учете в районной организации. Милиция должна быть не зависима ни от кого, кроме закона. Необходимо также вывести из подчинения МВД и прокуратуры следователей. Создать отдельное управление, подчиненное Верховному Совету СССР.

Положение дел в милиции, если называть вещи своими именами, труднейшее. И если во всем ворохе нерешенных вопросов будет, как это велось до сих пор, разбираться только «наверху», толку не будет. Не под силу решить их даже десятку НИИ. Нужно провести съезд работников всех правоохранительных органов, но не высшего звена, а низового аппарата, с участием руководителей партии и правительства и представителей трудящихся. Поставить на нем наболевшие вопросы, наметить стратегию и тактику в правоохранительной политике. Форум, где будет услышан голос и лейтенанта милиции, и прокурора, и рядового следователя, поможет найти методы решения многих проблем.

— Дерьма, смотри, сколько в лагуне-то. Кровать посреди бросили, тут же воды по щиколотку.

— Это кровать Христа, ей положено плавать на воде.

— При чем тут Христос?

— В этой лагуне будет сниматься полнометражный фильм, — нагнав на лоб таинственные морщины, важно объявил Алалыкин.

— Какой фильм?

— «Солнцем палимый». Кровать — это декорация. Люба бросила острый взгляд на «декорацию», раскладушка вздрогнула, и из-под нее выплеснулась бурая плоская волна.

— Что это? — встревожилась жена.

— Я же говорю, декорация к фильму. Раскладушка с моторчиком и может перемещаться по воде вместе с Христом.

— Ага, подводная лодка, замаскированная под раскладушку. — Жена, конечно, не поверила супругу, но ей расхотелось спорить и сопротивляться: раз муж выбрал это место, значит, быть прикованным к нему два выходных дня. — Только скажи, зачем мы все-таки здесь остановились? На ход креветок хочешь посмотреть?

— Хочу, — вздохнул Алалыкин. — Когда идет чилим — море гудит. Не слышала, как гудит море в день чилима?

«Орудья» была в руках у Саньки. Окинув духа глазами, Санька понял, что ни ударить, ни спрятаться в кустах либо в песке, ни взять духов слезами не удастся. Он сыро вздохнул и протянул примитивную острожку могучему родственнику старика Хоттабыча.

— Только что нашли, здесь, на берегу.

— Врешь, парнишонка!

— Врать мне запрещают в школе! — наотмашь рубанул «подсолнух». Дух даже закачался, воззрился удивленно на светлое растение, потом перевел взгляд на своего мускулистого собрата.

— Будем брать! — ответил собрат, шевельнув волевой тяжелой челюстью, и добавил: — Врать тебе, значит, в школе запрещают?

— Запрещают, — невинно подтвердил «подсолнух».

— А браконьерить, парнишонка, не запрещают?

— Что такое — браконьерить? — «Подсолнух» запустил в носдю палец и склонил голову набок, расплавав пошире желтоватые, цвета спелой китайки глаза.

Дух тряхнул в руке острожку и примерился, словно собираясь насадить на нее Саньку. Алалыкин не выдержал, с горестно-испуганным криком выбросил перед собою руки, растопырил пальцы и, громко затопав ногами, понесся вперед:

— В чем дело?

— Вам чего надобно, гражданин?

— Это мои дети, Вениамин Семенович и Александр

Валерий ПОВОЛЯЕВ

ДЕНЬ ЧИЛИМА

Алалыкина фамилия из тех, что не позавидуешь: незвучная, корявая, схожая с неким несуразным кривобоким растением, совершенно неинтеллигентная фамилия. Алалыкин! Ну, что это такое?..

Выходные дни Алалыкин любил проводить за городом, брал жену, двух белоголовых пацанов — Саньку и Веньку, таких же низеньких и крепконогих, как папа, и уезжал к морю, на берег Анивского залива, либо на озера, тихие, рыбные, с нежной водой — Тунайча и Изменчивое. Озерные берега ровнее, обихоженнее, чище и уютнее морских, озерный берег — дом! Но в пору чилимьего хода никакой дурак не будет разбивать стан на озерах, только на море.

Чилим — это дальневосточная креветка, крупная, мясистая, с нежным панцирем, беззащитная и сладкая, много знатнее и вкуснее королевских креветок гамбари. Кто не пробовал чилима, тот вообще ничего не пробовал и на Дальнем Востоке не бывал. Иногда дальневосточную креветку называют шримсом, но реже. Бывает травяной шримс, бывает песчаный: травяной — крупный, угловатый, с медленными движениями, жирный; песчаный — меньше, вытщенный на берег, он старается забиться в песок, с трудом преодолевая лень, по-собачьи работает лапками, хвостом, усами, острым рогатым носом, каждой своей скорлупкой. словно в песке ждут его прохлады и спасение; есть отдельные особи — медвежатники, с мощной, специально сплюснутой для водяного тарана головой-грудью, с устрашающе черными, как у тараканов, глазами. Медвежатников Алалыкин не любил: мясо у них волокнистое, жесткое, медвежатники — это перестарки.

Когда Алалыкин ел чилима, его охватывал молодой восторг. Он с волнением глядел на море, на задымленные, насквозь просматривающиеся сопки, на небо и летящих птиц, на жену свою Любу. Но при взгляде на нее молодое волнение в Алалыкине сходило на нет, он вздыхал и вновь становился самим собою.

Официально ход чилима должны были объявить через четыре дня, но он вовсю уже шел, без команды рыбхозовского начальства — чилиму наплевать на липовую начальственную печать. Алалыкину захотелось узнать, будет в этом году чилим или нет, и он вопреки всему разбил палатку не на озере, а на берегу ржавой, с бензиновыми разводами лагуны, посреди которой плавала разодранная кровать-раскладушка.

— Тут вон, пахнет гнилью и прельными водорослями, — сказала Алалыкину жена.

— Да? — рассеянно удивился Алалыкин, с шумом втянув в себя воздух. — По-моему, ты не права. Просто неподалеку цветут саранки.

— Слышала. Я много чего благодаря тебе слышала. Но не вздумай хотя бы одну креветишку изловить — рыбохрана таких, как ты, насквозь просвечивает и штрафует, у них план по червонцам в арифметической прогрессии: за одного чилима — червонец, за двух — четыре червонца...

Алалыкин изучал плавающую раскладушку — имелся в этой «подводной лодке» некий странный надувной механизм, который позволял ей держаться на плаву.

— Пал, мы малость побродим по берегу, посмотрим. — Два «подсолнуха», Санька и Венька, так и не дали Алалыкину сосредоточиться на раскладушке.

— Далеко не уходите, сейчас чайник согрею и будем пить чай с баранками и конфетами. — предупредила сыновей Люба, доставая из рюкзака туристский примус «шмель». Движения ее были такими нежными, гибкими, молодыми, что Алалыкин перевел взгляд с плавающей раскладушки на жену.

— И вот что, Алалыкин, — Люба поймала взгляд «хозяина», — договоримся так: один день проводим здесь, на съемках фильма, а другой — на берегу Тунайчи.

— Там много комаров.

— Зато саранками не пахнет.

Белоголовые «подсолнухи» успели подобрать пару роскошных «куриных богов», две причудливые ракушки, а под выворотнем нашли острогранную палку, к которой была привязана вилка. Алалыкин сразу догадался: для чилимов. Кто-то насаживал креветок на рожки. Много, конечно, такой примитивной «орудья» не возьмешь — у зубцов нет бородок, проколотый чилим соскальзывает, но некоторый урон здешней лагуне нанести можно.

Значит, кто-то уже потревожил чилима, не устоял. А лагуна действительно попахивала навозом, Люба права. Застойная вода всегда землей пахнет.

— Бросьте вы эту пакость, может, она в заразных руках побывала, — хотел было крикнуть Алалыкин своим «подсолнухам», но не успел. На его глазах из-за утопанного песчаного бугра возникли, словно духи, два дюжих квадратнолицых мужика, похожих друг на друга как близнецы-братья, устремились к Саньке с Венькой и перегородили им путь.

— Эй, чего вы там? Не трогайте растения! Это мои! — Крика у Алалыкина не получилось, лишь в горле что-то слабо шевельнулось, возникшая капля воды скатилась вниз, и Алалыкин закашлялся.

— Ну-кась, парнишонки, отдайте-ка нам свою орудья. — тихим, вкрадчиво-ласковым голосом попросил один из духов и, сев на корточки, сощурил немигающие, блеснувшие свежим оловом глаза. — Вам она уже не понадобится.

Семенович. — Алалыкин обхватил «подсолнухов» за плечи, притянул к себе и звонко чмокнул в белые макушки.

— Хорошо, что ваши, а я-то думал, кто будет за этих ребятишек платить, — усмехнулся дух, отдавая Алалыкина старым луковым запахом, глаза его залучились.

— Как платить, что платить, зачем платить? — забормотал Алалыкин и, шмыгнув носом, покрепче прижал к себе Саньку с Венькой.

— Штраф! — Дух приподнял острожку. — «Запрещенное орудие лова» наказывается штрафом. Платить в сберкассу по месту жительства советскими купюрами — пятерками, но можно и тройками. — Дух был терпелив, очень терпелив, и Алалыкин запоздало понял, что не надо его дразнить: лопнет в духе ничточка

Рисунок Игоря ГОНЧАРУКА

терпения, зазвонит все в потемке Хоттабыча колокольню, и тогда все — пиши пропало.

Дух малость потемнел лицом, подвигал нижней челюстью и положил руку на пистолет; младший дух, видя это, тоже положил руку на пистолет и подвигал нижней челюстью.

Алалыкин невольно всхлипнул, из глаз проворно выкатились две крупные слезы, поползли вниз по длинному носу, сливаясь в одну крупную каплю, и застыли на кончике. На духа эта сентиментальная капля не произвела никакого впечатления.

— Бумаженцию вам прямо на природе нарисовать или домой прислать?

— Какую еще бумаженцию? — Алалыкин сдул с носа каплю, освобождая место для новой.

Белоголовые «подсолнухи» заинтересованно смотрели на отца, переводя взгляды на страшное оружие, притороченное к ремням духов. Их интересовали сейчас только две вещи: слезы отца и оружие.

— Квитанцию, чтоб не позабыли штраф заплатить. — Дух сунул руку за пазуху и извлек оттуда пачку квитанций, завернутых в прозрачный кулек. — Есть у нас отдельные забывчивые личности, которые считают, что они выдающиеся, а на самом деле — несознательные. Вы как, сознательный или нет?

Алалыкин мотнул головой, сбивая с носа очередную каплю.

— Я — личность!
— Раз вы личность, нарисую вам штраф в тридцать рублей.

— За что?
— За сынов-браконьеров. Каждый из них обойдется в пятнадцать рублей.

— Вы что, действительно считаете их браконьерами?

— Конечно.
— Настоящими?

— Ну, разумеется, настоящими, — спокойно подтвердил дух, ствердив узкие длинные губы. — Раз с острой ходят — значит, настоящие.

— Да они острогу только что увидели, она здесь, на земле, валялась.

Краем глаза Алалыкин заметил, как лихо несется к нему жена Люба, сделавшаяся враз легконогой и быстрой. Он начал успокаиваться: вдвоем-то они обязательно совладают с духами, тем более что одна женская сила равна двум мужским. Никакие духи не устоят — будут побиты, посрамлены, изгнаны. Ну, действительно, чего эти гиппопотамы прицелились к двум слабеньким лопухам, Саньке и Веньке, чего? А может, они не могущественные духи, а такие же уязвимые земляне, как Алалыкин с Любой?

Но духов одолеть не удалось, те оказались сильнее и упрямее: белоголовые «подсолнухи» — браконьеры, и все тут; раз имеют в руках браконьерскую «орудью», которой не токмо чилима — человека проткнуть можно. Уперлись духи — придется Алалыкину за все отвечать.

— Н-не надо никаких документов рисовать... Н-никаких квитанций, — дрожащим слезливым голосом пробормотал Алалыкин, невидяще глядя в рыжеватое задымленное пространство лагуны, в котором преспокойно плавала раскладушка, ни дна ей, ни покрывки. И чего, собственно, она плавает в этих водах? Виски у него набрякли болью, настроение сделалось вконец слезливым, трясучим: тряслись руки, тряслись губы, тряслась голова, трялся горизонт, сопки тоже дергались и подпрыгивали — жалко было Алалыкину расставаться с деньгами.

— Может, двух десятков хватит, — спросил он ослабше, — по десятке за каждое юное рыло?

— Хватит, — великодушно разрешил младший дух — пусть будет по десятке. Но уговор один: чилимов больше не биты!

— Что вы, что вы! Больше никогда, ни за что! — помотал головой Алалыкин, стараясь унять горячую дрожь, которая не то чтобы не унималась, а, напротив, усиливалась.

— Орудие браконьерского лова мы конфискуем.

— Пожалуйста! — кивнул Алалыкин, из глаз его снова выметнулись две соленые бусины, сползли к кончику унылого покрасневшего носа, соединились воедино и застыли там, кажется, навечно.

Младший дух принял деньги, проследил за взглядом Алалыкина, увидел раскладушку, не стал безмерно удивляться — подумаешь, железо плавает! — и, подержанный одобрительным взглядом старшего, полюбопытствовал:

— А документки ваши... Можно увидеть?

— Зачем вам документки? Разве два червонца не документки?

— Пхи! — Младший дух крутанул головой. — Надо же знать, с кого две красненькие стребованы и соответственно получены. Для порядку. И орудью надо на кого-то списывать, не сама же вилка прикрутилась к деревяшке. Вилка-то новая, бифштекс можно есть.

— Любань, принеси, пожалуйста, паспорт. — Алалыкин сжал руками виски и услышал в самом себе тихий, собачий плач.

Младший дух раскрыл принесенный Любой паспорт, с колким интересом глянул на Алалыкина, сравнивая фото с оригиналом, убедился в соответствии натуры с тем, что было на бумаге, но паспорт по неведомой причине отдавать не торопился.

— Что-нибудь не так? — устало поинтересовалась Люба.

— Все так, все так, два червонца — тоже документ, — пробормотал младший дух и протянул паспорт

Окончание на 19-й стр.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

Мое мнение — нужна профессиональная армия. Тогда каждый солдат будет относиться к технике, как к арендованному средству производства, а не как раб к орудию труда. Помню рассказ одного «дембеля», как они с командиром взвода расстреливали в белый свет оставшиеся от стрельбы патроны, так как командир должен был сдать под расписку только гильзы. Расточительству офицеров учат еще с суворовских училищ. Мой брат рассказывал, как их командир разбрасывал по сторонам взрывпакеты, которые не израсходовали на тактических учениях, а они были уже списаны. Можно представить после таких примеров, какой у нас должен быть военный бюджет!

Не надо бояться слова «наемники». Мы же не называем наемниками офицеров. Почему же мы должны стыдиться получать деньги за профессионализм? Ведь защищать Родину всегда было профессией.

**А. КОРНЕЕВ,
Барнаул**

Пишут вам моряки-тихоокеанцы с крейсера «Минск». Прочитали статью «У матросов есть вопросы», в которой говорится о крейсере «Киев». Читали и смеялись. Смеялись не оттого, что было смешно, а оттого, что было написано все в точности про «Минск». Да, наши корабли внешне похожи. Но оказывается, что похожи они еще и «флотской организацией». Все в точности, как у нас. Мы бы могли дополнить эту статью.

«Минчане»

Сейчас много говорится о профессиональной компетентности специалистов, об использовании наемных военнослужащих, чья подготовленность, несомненно, выше. Последняя проблема весьма интересна, но давайте сначала посмотрим, какими же кадрами мы обладаем сейчас.

Вас, наверное, удивит, если я скажу, что атомными установками на подводных лодках управляют люди недостаточно подготовленные, а иные и вовсе не подготовленные. И ничего, плаваем. Операторы знают и умеют всего лишь 30—50 процентов от того, что они должны знать и уметь. И причины не в умственных способностях, а в системе подготовки. Ну и в плане самокритики следует отметить, что лень-матушка тоже играет не последнюю роль. Попадая на флот, офицеры отдаются на откуп самим себе. Нет ни конкретной программы, ни контроля, ни действенной организации. По крайней мере, в жизни, а не на бумаге — этого нет.

Было бы неправильно говорить, что у нас одни неучи. Есть и настоящие

мастера своего дела. Это, как правило, трудяги, люди, не подверженные «лучевой болезни», как у нас шутят, первые признаки которой начинаются, когда после обеда человеку хочется спать, а проспит он, и ему кажется, что мало платят. Хотя вопрос оплаты тоже весьма существенный. Квалифицированный рабочий на Крайнем Севере, имея пятидневную рабочую неделю с восьмичасовым рабочим днем, получает столько же, а то и больше командира боевой части на атомной подводной лодке там же, на Севере. К тому же, как правило, в семье гражданского человека работают минимум два человека, а не один, как у нас...

Мы всегда почему-то катастрофически заняты, всегда не успеваем, все время ходим озабоченные. От бумаг круги перед глазами. Надо написать столько отчетов, планов — без них мы никак не можем. И ведь за всю мою службу не нашлось ни одного проверяющего, который бы интересовался фактическим состоянием дела, а не планами и отчетами. Любой офицер, прослуживший более пяти лет, — виртуоз крючкотворства. Он может закатить такого «горбатого», что ни одна умудренная бюрократическим опытом комиссия не подкопается.

Нельзя сказать, что у нас не борются с бюрократией. Борются. Недавно, например, отменили журналы боевой подготовки (ЖБП) в боевых частях на кораблях, которые составлялись исключительно для проверяющих. Их еще называли «журналами лжи». Так вот, ЖБП отменили, а нового ничего не придумали. Но ведь какая-то отчетность должна быть. Поэтому было приказано переименовать ЖБП в ТБП (тетрадь боевой подготовки) и продолжать вести.

Но есть у нас и образцы высокой организации, в которых есть свой положительный опыт. Это наши политические занятия — это святое дело, и никто не решится забрать матроса с этого мероприятия, потому что знает, что будет иметь дело с политработником. Вот бы так обстояло дело с занятиями по специальности!

Но качество политзанятий! С матросами проводят занятия офицеры, назначенные командиром. С мичманами такая же ситуация. С офицерами проводит занятия сам командир. Заполнит же в лучшем случае ведет одну из групп, а вообще главная его обязанность — руководить политподготовкой на корабле. Эта форма вызывает серьезные сомнения. Хорошо, что сами офицеры проводят занятия, но ведь в каждом деле должны быть профессионалы. И кому, как не замполиту, этим заниматься. Так и получается, что замполит на корабле отвечает за все, а с другой стороны, ни за что. И, к сожалению, часто бывает, что политработник на корабле, кроме вопросов политики, ничем больше не занимается. Теперь самый крамольный вопрос: зачем он

тогда вообще на корабле нужен, если есть партийная, комсомольская организации?

Вызывает сомнение и система подготовки политработников. Что получается: окончив политическое училище, не имея политического опыта, он сразу становится запрограммированным проводником идей партии. А еще Ленин говорил, что политработник должен пройти через горнило работы в массах. Почему бы замполитов не растить на флоте, выбирая их из числа наиболее авторитетных, грамотных офицеров, и направлять их на учебу в Военно-политическую академию?

Я специально остановился на теневых сторонах нашей жизни не для того, чтобы вылить грязь на военных и посыпать голову пеплом, а потому, что мне стоять в первом эшелоне защиты Отечества и это мое дело, каким будет флот завтра.

**Капитан 3 ранга
В. ОВЧИННИКОВ,
Мурманск**

Статья «У матросов есть вопросы» стоит в одном ряду с другими публикациями в молодежной прессе: тот же стиль, та же некомпетентность, те же риторические вопросы и отсутствие ответов на них. С этим набором спорить бесполезно. Вы — профессиональная молодежная пресса, и мы — профессиональные военные, думаем и говорим на разных языках.

Вы отмечаете, что военные молчат. Разве? Возьмите в руки «Красную звезду», «Советский воин», «Коммунист Вооруженных Сил». Вчитайтесь, вдумайтесь. Естественно, что там вопросы ставятся и ответы на них даются в той плоскости, которая вас не устраивает. Но военная пресса сейчас активно работает на перестройку. К конкретным примерам можно отнести хотя бы последнее выступление министра обороны Д. Т. Язова в «Красной звезде». Он говорит о роли и месте армии в обществе, ее будущем. Есть и много других примеров.

Вы пишете об «обязательной воинской повинности», а в Конституции СССР сказано «всеобщая воинская обязанность». Обязанность и повинность есть два разных по смыслу слова, не так ли? Негоже органу ЦК ВЛКСМ делать такие ошибки.

На вопрос о роли и месте армии отвечает опять же Конституция: «В целях защиты социалистических завоеваний, мирного труда советского народа, суверенитета и территориальной целостности государства...» Эти положения конкретизируют жизнь: Чернобыль, Закавказье уточняют, чем занимается армия в периоды стихийных бедствий и братоубийственной резни. Чтобы она оставалась такой, не надо вставлять ей палки в колеса. Надо помогать, и не

словом, а делом. Пока у молодежной прессы проглядывает одно желание: найти тему посенсационнее. Какая может быть романтика и привлекательность у армейской службы после грубо подтасованной статьи «Случай в спецвагоне» и снимаемого «Ленфильмом» фильма «Караул»?

Вам легко писать, а вы попробуйте поработать в наших условиях, тогда и поговорим на равных.

**Старший лейтенант
И. В. ЕГОШКИН,
политработник,
Москва**

Хотел бы затронуть проблему взаимоотношений кубрика и кают-компания, то есть матросов и офицеров. Расстояние между ними не сокращается, а увеличивается по нарастающей. Известно, что молодой человек приходит служить, мягко говоря, без энтузиазма, а если таковой и есть, то он быстро проходит. Итог один: матрос смотрит на офицера, как на душегуба, который мучает его три года. Офицеру же проще самому исполнить приказание, чем заставлять или упрашивать матроса, но это невозможно физически. Вот и занимается офицер целый день тем, что кричит, упрашивает, а в конце концов слышит: «Товарищ лейтенант, если вы от меня не отстанете, то я совершу грубый проступок (пьянка, драка, самовольная отлучка) и вас целый месяц домой пускать не будут. Меня будете воспитывать. А у вас семья, дети». Сколько раз это слышал, а мер воздействия у меня нет, потому что никого не напугаешь нарядом вне очереди или выговором.

Конечно же, нужна профессиональная, вольнонаемная армия, где все обязанности и права оговорены контрактом. Но не все в этом заинтересованы, хотя и понимают ее плюсы. И не в деньгах дело, как это хотят представить. Просто так легче. И в первую очередь против профессиональной армии выступают политработники. И так понятно всем их ненужность, а тогда это станет просто очевидно. Вот и идет активная пропаганда против. Последнее партсоборание на нашем корабле — тому пример. Начали обсуждать проблему. Надоело, мол, за матросами бегать, подталкивать на каждом шагу. Так замполит чуть ли не врагами народа обозвал. Так что реальная мощная сила выступает против.

Большая просьба не ссылаться на мою фамилию. У нас не любят, когда сор из избы выносятся. Иначе меня сгноят.

Капитан-лейтенант С.

Многие могут спросить, почему не увольняются офицеры? Ответ прост: это почти невозможно. Многие желают

ТАЮТСЯ

увольнения, но офицеров увольняют только за дискредитацию воинского звания. Тем не менее даже страх за испорченную биографию не удерживает. У нас уже около 20 офицеров написали рапорт на увольнение. Но сам рапорт не пройдет, значит, нужно дискредитировать. Вот и приходится нелюбимым несколько раз выпить, а ранее добросовестным — не выходить на службу. Что интересно, рапорты в основном написали старшие лейтенанты, капитан-лейтенанты, даже капитан 3 ранга. Лейтенанты пока не пишут, надеются на изменения. Многие ждут закона об обороне. Говорят, в нем будет статья, согласно которой можно будет подавать в отставку после пяти лет службы. Если такой статьи не будет, то года через два-три придется себя дискредитировать, хотя в настоящее время даже пиво не употребляю.

Что касается демократии, то как только началась перестройка, военные политики сразу перестроились и дали свое определение демократии в армии и на флоте. Демократия — это соблюдение уставов и законов, выполнение приказов, беспрекословное подчинение командирам и начальникам, строгое выполнение своих обязанностей и т. д. Я же понимаю это по-другому: демократия — это когда нарушаются права военнослужащего, то он может заявить командиру, что тот нарушает законность. Но, увы, по уставу это называется пререкание и обсуждение приказов командиров, что запрещено.

Я за вольнонаемную армию. Сейчас даже офицеры не хотят служить, что уж говорить про матросов. А вот если установить четко оговоренные права и обязанности и подкрепить все это соответствующей зарплатой — тогда и спрашивать можно: провинился — минус столько-то рублей, отличился — плюс столько-то. А офицерам и мичманам ввести почасовую оплату. Это должно привести к соблюдению установленной законом продолжительности рабочей недели.

Лейтенант В. ТКАЧ,
Ленинград

Как же надо вывернуться, до какой степени изошиться в желании опорочить все и вся, чтобы под прикрытием ряда справедливых фактов и упреков протащить идею: для молодого человека служба в армии не нужна и даже вредна. Исподволь читатель подводит к мысли: или армию сделать наемной — уделом тупиц и неинтеллектуалов, или изменить порядки — строем не ходить, командиров не слушать, а что касается приказов — какие приказы в условиях демократии?! Договорились, дальше некуда!

Надо воспитывать мужчин, чувствующих, что за спиной — твоя страна и ее надо быть готовым защитить, а сделать это можно, только прослужив в армии.

А Кононов и другие «разоруженцы» добиваются, чтобы мы воспитывали мыслящих, интеллектуальных филок, тепличных мальчиков, готовых не к трудностям, а к сплошным удовольствиям.

Дожили мы и до того, что наши кандидаты в народные депутаты (теперь уже депутаты) выступают с откровенно пацифистских позиций. А обывателю это нравится. Обывателю скажи, что армия совсем не нужна — ему и это понравится. Что это — политическая наивность? Думаем, что-то другое.

Пусть военные скажут, что выгоднее стране: наемная армия или всеобщая воинская повинность.

С. КАВЕРИН, А. ГАГАРИН,
г. Городец

Итак, какой будет армия? Желание изменить ее было всегда присуще молодым солдатам и офицерам. Не у всех этот запал пропадает с годами, но подавляющее большинство, продвигаясь по службе в условиях ксотины и рутины, превращаются потихоньку из реформаторов в консерваторов. Молодой солдат стал «дедом», лейтенант — генералом. Они довольны своим положением и решительно не хотят ничего менять, проявляя известное неудовольствие при любых попытках ущемить их амбиции. Это они поучают нас с высоких трибун, что наемная армия — абсурд. Они боятся неизбежного в новых условиях экзамена на профессионализм и всеми силами доказывают рутинность прогрессивных начал и агрессивность своей рутины.

Не мне с моим средним образованием считать, во что обходится обучение людей, которые через два года уходят из армии. Но не нужно большого ума, чтобы понять, сколько миллиардов рублей вылетает в стволы автоматов и пушек, в дымный шлейф ракет и самолетов во время грандиозных учений. Я не против учений, но чтобы быть профессионалом, нужно учиться всю жизнь, поддерживая «спортивную форму».

Огромное количество земли и природных ресурсов не используется из-за воинских частей и гарнизонов, пограничные зоны имеют тенденцию к росту, с развитием техники растут запретные зоны. Офицеры глухих гарнизонов, пользуясь отсутствием населения и природоохранных органов, занимаются браконьерством. Земли в ведомствах ВС калечатся и загрязняются, а контроля за этим нет — все секретно.

Тысячу раз прав автор «У матросов есть вопросы», говоря о воспитании в армии. Если человек совершает дисциплинарный проступок, то это списывается на школу и семью; если он стал Героем Советского Союза, то это заслуга армии. Рутинеры отгораживаются от нас щитом имен наших лучших граждан и патриотов, а сами лавируют на их лаврах. Воспитывать молодежь —

занятие неблагоприятное, считают они. Проще сделать из них болванчиков, подавить их как личностей, тем более что Евпатии Коловраты и Александры Матросовы всегда были на Руси; они в нужный момент выручат, и смотришь, — опять статьи в газетах: вот какого воспитали! Мало того, воспитывая людей в духе субординации по принципу «я начальник — ты дурак, ты начальник — я дурак», армия играет еще и на руку гражданским бюрократам, готовя им массу пассивных, живущих по указке и без личных амбиций индивидов.

Армия должна быть профессиональной, вольнонаемной. Тогда пропадет этот дикий армейский фольклор: «Солдат спит — служба идет», «Подальше от начальства — поближе к кухне» и прочее. Надо заинтересовать людей служить добросовестно, квалифицированно, чтобы действительно называться защитниками Родины, а не выглядеть дармоедами в глазах обывателей. Исчезнет само понятие «неуставных отношений», ведь люди будут на службе соприкасаться только по службе. Служба станет их работой. И правовой защиты им искать не придется, ведь они вступят в качественно новые для себя отношения, зафиксированные в виде правовых норм в законодательстве. Может быть, выборность командиров послужит «буфером» от самодурства и показухи?

...Вот как боролись с самодурством, например, в старой японской (самурайской) армии. Приказ самодура самурая обязан был исполнить, что он и делал, но потом приходил на крыльцо своего патрона и делал хакарири. Увидев у своих ног подчиненного, опростовывавшего приказ таким оригинальным, по нашим меркам, образом, его командир по джентльменским законам того времени обязан был последовать его примеру. Хорошо, что у нас это невозможно, иначе, боюсь, мы бы остались без армии.

Бывший рядовой А. ЧИКИН,
г. Владимир

Немного о демократии. Не знаю, как кто, а я считаю, что принцип единоначалия несовместим с демократией в служебных вопросах.

Командирам необходимо научиться видеть в подчиненных людей, а не роботов-солдафонов. Очень часто, к сожалению, многие из начальников могут преспокойно оскорбить, унижить, отмастерить подчиненного, не страшась за последствия, прекрасно зная, что от них зависит и карьера, и звание, и квартира, и многое другое. Почему же молчат подчиненные? Да потому, что все мы люди, у каждого есть свои слабости, были какие-то нарушения, о которых знает командир, но предусмотрительно умалчивает. А стоит тебе поднять голову — тут же все это «внезапно» всплывает.

А что если вместо одного представителя из несуразно раздутого политпарата ввести в штат подразделения юриста, который бы не подчинялся командиру этого подразделения и в то же время курировал его? Ведь сколько бы спорных вопросов можно было решить в рамках части, не посылая рапорта по долгим инстанциям. Не секрет, что обязанности свои мы знаем хорошо, а вот права...

Офицер А. МИХАЙЛОВ

Годы застоя привели к снижению авторитета политорганов. Иного и быть не могло: слишком долго мы называли белое черным и наоборот, слишком рьяно конспектировали «Малую землю», кричали об успехах, которых не было, слишком рьяно фарисействовали на глазах у подчиненных. А люди видели в жизни совсем другое: взяточничество, развал экономики, коррупцию, протекционизм... Восстанавливать утраченное доверие чрезвычайно сложно.

Мы даже не заметили, что главной функцией парторганизаций стало привлечение коммунистов к партийной ответственности. Мы перестали давать людям право на ошибку. Стоит коммунисту, в первую очередь офицеру, чуть оступиться, как перед ним возникает неизбежность сурового приговора. С беспощадностью «красной гильотины» мы рубим судьбы людей. Почему? Да лишь потому, что надо доложить о принятых мерах. Матрос Иванов совершил «самоволку». А кто у него непосредственный начальник? Коммунист? И не привлечен к партийной ответственности? Срочно принять меры! На парткомиссию его!

А если на корабле «неуставные», то уж достанется всем — от командира боевой части до командира корабля. Всем, кроме самого нарушителя. Ему достанется 5 суток ареста да выговор по комсомольской линии. А выговор он переживет не расстраиваясь: обычно те, кто издевается над сослуживцами, к комсомолу глубоко безразличны.

Офицер же, имеющий партийный «фильтр», практически потерян для карьеры. Он недостойн очередного звания, не рассматривается среди кандидатов на служебное повышение, не имеет возможности поступить в академию, учиться на классах. О какой близости к матросу тут можно говорить? Разве можно привить такую близость, заставляя офицера спать в одном кубрике с подчиненными?

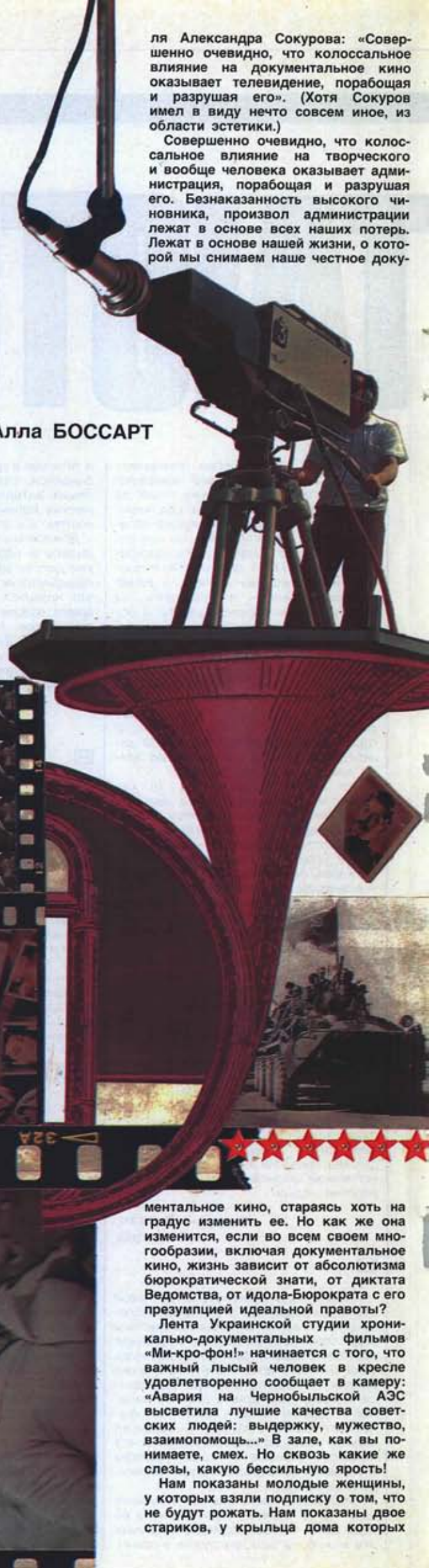
А создание пресловутых «телефонов доверия», по которым любой моряк может позвонить в политотдел и, не называя фамилии, доложить о недостатках в части, на корабле? Не формируем ли мы целое поколение анонимщиков? Зато политорганы могут смело сказать, что, мол, идем в ногу с перестройкой и демократизацией.

Капитан 3 ранга А. РИСКИН,
политработник, Рига

«ЗВУЖИ»

Алла БОССАРТ

Коллаж Александра КЛИЩЕНКО

ля Александра Сокурова: «Совершенно очевидно, что колоссальное влияние на документальное кино оказывает телевидение, поработавшая и разрушая его». (Хотя Сокуров имел в виду нечто совсем иное, из области эстетики.)

Совершенно очевидно, что колоссальное влияние на творческого и вообще человека оказывает администрация, поработавшая и разрушая его. Безнаказанность высокого чиновника, произвол администрации лежат в основе всех наших потерь. Лежат в основе нашей жизни, о которой мы снимаем наше честное доку-

Один критик спросил на пресс-конференции автора документального фильма «Казенная дорога» Виктора Семенюка: «Такой красноречивый пейзаж за окном поезда — хибары, хибары... переходящие в кладбище. Специально искали? Или монтаж?..»

Виктор Семенюк неприязненно оглядел журналистов и проворчал:

— Я бы понял, если бы такие вопросы задавал иностранец. Но вы-то что, не знаете, КАКАЯ у нас страна?

«Казенная дорога» действительно о стране. Сюжет: едет поезд, откровенные разговоры попутчиков о жизни, а за окном — безлюдный и безжизненный пейзаж с индустриальными дымами и пустошами, сортирами и погостами. А под занавес — сторожка стрелочника, и на плитке кипит-надрывается чайник, свистя паром, паром, паром...

Единственный запомнившийся мне из прежних времен документалистики — фильм блистательного Феликса Соболева «Все твои сыновья» был снят лет двадцать назад. Следующий, так сказать, «эстетический шок» в этой области был испытан только через семнадцать лет: «Легко ли быть молодым?» Подниекса. И тот, и другой были верстовыми столбами в истории правдивого документального кино. Фильм Подниекса смотрели, по-моему, все. Фильмы Соболева помнят сегодня, видимо, лишь специалисты, хотя Феликс Михайлович — классик советского неигрового кино. Он не дождал до звездного часа документалистики. Он работал в те годы, когда этому кино не верили. «Документальный фильм» читался советским зрителем как «киножурнал» перед художественной картиной, в нагрузку к ней. В те тягучие годы, когда преобладал жанр «доски почета», прекрасных, честных, умных фильмов Соболева, затерявшихся в потоке серятины, никто не смотрел.

Похоже, за всю историю советского искусства ни одно из его направлений не совершало такого феноменального качественного скачка, как документальное кино. Но и до сих пор это зрительское, заряженное информацией искусство, активно обращенное к залу, развивается как в колбе, отгороженное от зрителя шлагбаумом кинопроката и прихотливейшей цензуры.

Случайно ли многие фильмы, представленные на международном фестивале неигрового кино в Ленинграде, прибыли сюда без разрешительного удостоверения? Включая и тот, что получил здесь золотой приз. До фестиваля зрители их не видели, и я не поручусь, что увидят после.

«Ми-кро-фон!» Георгия Шкляревского задержала межведомственная комиссия министерств и комитетов, связанных с использованием атомной энергии.

«Театр времен перестройки и гласности» Аркадия Рудермана с подачи партийного руководства республики «арестовала» дирекция «Беларусь-фильма».

«Встречному иску» того же Рудермана и Юрия Хачеватского ставились барьеры от ЦК КПБ до ЦТ.

И так далее. Вырисовывается интересная закономерность не просто связи документального кино с жизнью, но и их обратной связи.

Международный фестиваль в Ленинграде во многом прояснил ситуацию в нашем документальном кинематографе. Ситуацию, которая мешала сравнивать кинематографы разных стран как явления, у которых разные задачи.

С одной стороны, та же «Казенная дорога», «Ми-кро-фон!», «Встречный иск», «Черный квадрат»... С другой —

виртуозный с точки зрения кинематографической выразительности фильм американского режиссера Годфри Реджио «Колдовство жизни». Немыслимым для нашей кинотехники живописным языком камера пишет как бы трактат, а может быть, притчу о развитии человечества. Путь из простейшей стихии воды и глины, путь по виткам спирали к высшей общности: городу. К потере земли, к потере себя, к сотам, к толпе, размятой собственными ногами, уходящей вновь в глину, в загадочную стихию воды...

Этот шедевр мог бы установить критерии для всего неигрового кино. Определить систему координат кино и жизни. Так оно вроде бы и было. Но наши фильмы вываливались из этой системы. Страна — не малый масштаб мира, не человечество в миниатюре. Страна — не проще и не сложнее. Это просто другое. Ну, скажем, как Библия и железная дорога. Американские документалисты читают Библию. У наших руки не доходят: строят железную дорогу. Мы не умеем наслаждаться, заметил Юрий Хачеватский (и пояснил: вот я начну смаковать рюмку коньяку, а потом не выдержу — и, хоп, залпом...). Так и в кино. Нам некогда, нет терпения смаковать природу и фактуру материала. Мы — хоп, залпом проблеме — жадно, со всей злостью и яростью вынужденных абстинентов, дорвавшихся до правды.

Тарковский говорит в фильме «Андрей Тарковский»: «Кино — это мозаика из времени. Это зафиксированное время». Энергия нашего времени часто уходит в свист и пар, который силится, но пока не одолевает тяжелые дымы, все еще заволакивающие наш горизонт сернистым ангидридом и демагогией. И, однако, это удивительно, до чего тесно сплетена наша жизнь с искусством и до чего непосредственны, прямо физиологичны процессы их влияния друг на друга. В этом смысле документальное кино как бы натуральная, природная часть жизни. Оно переполнено бытием и временем. Наши фильмы, как локаторы, улавливают энергию времени. Представляете, какая взрывная сила скопилась в этом реакторе? Не потому ли о советском «журналистском» кино профессионалы говорят сегодня как о лучшем в мире?

...Режиссер Центрального телевидения Галина Хавраева была единственной женщиной, работавшей в зоне разъятого реактора Чернобыльской АЭС после катастрофы. Она отсняла уникальный материал и привезла его в Главную редакцию пропаганды ЦТ. Где ей было сделано интересное предложение... купить у нее съемку с тем, чтобы она отказалась от авторства в пользу другого режиссера — а именно главного режиссера Главной редакции пропаганды Станислава Белянинова. Который в отличие от нее если и облучался, то только от лучевой трубки телевизора в Останкино. Галина отказалась. После чего ей позволили один раз выйти с чернобыльской передачей в эфир и затем, без лишних разговоров с автором пленку... размагнитили. (Об этом она рассказывает в фильме «Гонг», снятом на Ростовской студии кинохроники.)

Галину Хавраеву, тяжело заболевшую, перевели из режиссеров в ассистенты. Ее коллеги молчат, опасаясь «репрессий». Станислав Белянинов принимает активное участие в работе Всесоюзной комиссии телевидения Союза кинематографистов, которая запрещает «Гонг» Виктора Чепурина. Неожиданно буквальный смысл обрели слова члена жюри фестива-

ментальное кино, стараясь хоть на градус изменить ее. Но как же она изменится, если во всем своем многообразии, включая документальное кино, жизнь зависит от абсолютизма бюрократической знати, от диктата Ведомства, от идола-Бюрократа с его презумпцией идеальной правоты?

Лента Украинской студии хроникально-документальных фильмов «Ми-кро-фон!» начинается с того, что важный лысый человек в кресле удовлетворенно сообщает в камеру: «Авария на Чернобыльской АЭС высветила лучшие качества советских людей: выдержку, мужество, взаимопомощь...» В зале, как вы понимаете, смех. Но сквозь какие же слезы, какую бессильную ярость!

Нам показаны молодые женщины, у которых взяли подписку о том, что не будут рожать. Нам показаны двое стариков, у крыльца дома которых

Первые страницы Дела о пропавшей переписи посвятим Валериану Валериановичу Осинскому. Выходец из дворян, в партию большевиков он вступил в 1907 году. Уже тогда двадцатилетний революционер выделялся глубокой эрудицией. После победы Октябрьской революции Осинский — управляющий государственным банком, затем — председатель Всероссийского совета народно-хозяйства. В 1921—1923 годах — замнаркома земледелия. В конце двадцатых — начале тридцатых — член президиума Госплана СССР, начальник Центрального статистического управления, позднее — Центрального управления народнохозяйственного учета.

В качестве первого председателя Автотора Осинский в 1925 году посетил по приглашению Генри Форда-старшего Америку. Форд применил систему Тейлора в области организации труда; Осинскому он предоставил возможность ознакомиться со своим огромным делом. В знак особого расположения миллиардер проводил Осинского, въехал с ним на автомобиле прямо на борт отходящего судна и оставил машину в подарок. Валериан Валерианович разъезжал потом на своем «форде» по улицам Москвы.

При Осинском автообъединение расцвело, началось строительство первых автомобильных заводов.

...Доклад Осинского во Втором Доме советов «Америка или Европа? По какому пути следовать, чтобы догнать и перегнать» привлек много слушателей. Валериан Валерианович считал, что советской промышленности ближе европейский путь развития. К этому выводу он пришел после поездки по странам Европы, на обратном пути из США. Осинский ставил в пример экономику Чехословакии.

После одного выступления печати, в котором были приведены убийственные цифровые выкладки по животноводству, редактор «Правды» Мехлис обрушился на Осинского с обвинениями... во вредительстве. Шел 1933 год. Для начала Сталин приказал арестовать сына Осинского Дмитрия. В тридцать седьмом арестовал самого. В сорок первом Валериан Валерианович находился в Орловской тюрьме. Перед сдачей города немцам его расстреляли в тюремном дворе вместе с другими узниками.

Еще одна жертва неосторожной статистики — организатор Компартии Казахстана Т. Р. Рыскулов. Одно время он работал заместителем председателя Совнаркома СССР А. Рыкова. Обследовав положение в Казахстане, Рыскулов составил для ЦК официальный доклад.

Коллективизация казахов стала по длинной трагедией кочевого народа. Обобществляли не только всех овец и лошадей, но и сторожевых собак. Не желая отдавать свое добро, казахи забивали овец и поедали мясо. Многие умерли от переизбытка. Потом, когда нечего стало есть, начался голод, не менее жестокий, чем на Украине. К своему совершенно секретному докладу Рыскулов приложил фотографии-свидетельства случаев людоедства.

Вот заключительное сообщение Рыскулова: «Казахстан вступил в коллективизацию сельского хозяйства с населением около 10 миллионов человек, а закончил с населением 8 миллионов».

В тридцать седьмом Великий Коллек-

тивизатор припомнил Рыскулову его статистические выкладки.

Пришла пора пристально приглядеться к статистике вообще и впрямь ее в свою колесницу. Важным козырем в затеянной генсеком политической игре должна была стать Всесоюзная перепись населения.

Первая перепись была проведена в 1920 году. Вторая — в 1926-м. Она дала итоговую цифру — 148,8 миллиона человек. Демографы рассчитали коэффициент естественного ежегодного прироста населения в 2,3 процента, причем на долю сельских жителей (тогда преобладали они) пришлось 2,7—2,8 процента, на долю городских — 1,7—1,8.

Эти выкладки дали повод Л. Б. Красину с гордостью заявить Ллойд Джорджу, а затем и французскому дипломату Демонзи о возрастающих темпах прироста населения государства рабочих и крестьян. Иностранцы могли бы сообщить Красину, что, по данным мировой статистики, в Дании и Голландии естественный прирост населения составляет свыше трех процентов...

В январе 1937 года в СССР была проведена третья Всесоюзная перепись населения. Сталин возлагал на нее большие надежды. Перепись должна была продемонстрировать всему миру достижения страны социализма. Прирост населения за одиннадцать лет, прошедших с 1926 года, мог составить около 37,6 миллиона.

Однако перепись дала ошеломляющие результаты: всего 156 миллионов. Следовательно, общий прирост составляет лишь 7,2 миллиона. Сколько смертей пришлось на тюрьмы и лагеря, сколько на голод — установить невозможно.

Объявлять результаты? Не лучше ли объявить переписи 1937 года вредительской? Именно так и поступил Сталин. 26 сентября «Правда» опубликовала сообщение Совета Народных Комиссаров. Из него следовало, что в ходе переписи населения имели место «грубейшие нарушения элементарных основ статистической науки». На это основании правительство объявило Всесоюзную перепись неудовлетворительной.

Данные переписи были немедленно изъяты и уничтожены. Правда, кое-какие цифры остались в головах руководителей статистической службы.

...Первой слетела с плеч голова начальника ЦСУ Ивана Адамовича Кравале. Он был близок Дзержинскому, завел при жизни Феликса Эдмундовича отделом труда и зарплаты Главного экономического управления ВСНХ. В свое время Краваль окончил Институт красной профессуры, считался учеником «школы Бухарина». Когда пришла пора проклинать Бухарина, вынужден был проклинать вместе со всеми...

С Кравалем исчезли его замы. Впрочем, один уцелел — Александр Степанович Попов. Почему-то, повременив с арестом, послали в Ярославль, на родину Попова, специальную комиссию: не «чуждого» ли он происхождения?

Начальник бюро Всесоюзной переписи А. Квиткин считался лучшим демографом России. Он был приметен: волосы до плеч, вечная палитра во рту. Шагая по коридорам ЦСУ, беседовал с сотрудниками на ходу. Аристарха Квиткина схватили сразу же по полученным крамольным данным переписи.

Среди арестованных был секретарь парторганизации ЦСУ Иван Николаевич Балашов. Но ему удивительно «повезло»: его не расстреляли, как прочих, а отправили в истребительные лагеря. Узникам Бутырской тюрьмы запомнилась коренастая фигура, открытый взгляд этого очень простого русского человека...

...1955 год. Балашов жив. Он пережил Сталина. По случаю пересмотра дел репрессированных работников ЦСУ в Прокуратуру СССР пригласили одного случайно уцелевшего статистика Давида Яковлевича Бозина. Ему довелось ознакомиться с делом И. Н. Балашова. Военная коллегия только что установила его полную невиновность... Бозин просматривает последние листы огромного тома. Вот еще один документ, венчающий «дело», — справка о расстреле Балашова.

Его убили за неделю до реабилитации. Кому-то он мог помешать, живой.

Итак, переписи 1937 года не было. Но жить вовсе без переписи населения как-то неуютно. Да и перед Европой неудобно. Генсек назначил новую перепись на 1939 год. И она дала то, что нужно: число подданных оказалось равным 170 миллионам. «Прирост» за два года — 14 миллионов.

Если вспомнить, какие это были годы, 1937—1938-й, какие урожайные на смерть, то произошло чудо. Однако при сравнении с результатами переписи 1926 года чудо сразу поблекло. 21,2 миллиона прироста за 13 лет — не густо... Это всего 9 процентов от общего прироста населения вместо ожидаемых — и естественных! — 29 процентов.

Под каким нажимом, с применением каких «поправочных коэффициентов» получена эта утешительная цифра — 170 миллионов, как удалось «причесать» непослушную статистику, мог бы рассказать Владимир Николаевич Старовский, новый начальник ЦСУ. Статистические манипуляции принесли ему в свое время звание Героя Социалистического Труда и члена-корреспондента Академии наук...

«Кто заказывает музыку, тот и платит».

Сталин мог быть доволен. Кого надо, уже убрали. Никто ничего о переписи тридцать седьмого не узнает. Но нет покоя в ночном кабинете «кремлевского горца»: вот товарищи сказали, за границей какие-то статистические ежегодники издают, целые институты работают, состояние дел в моей стране изучают! Мало им своих империалистических забот!.. Но цифры-то, цифры не с потолка берут.

Да... Статистика требует неусыпного надзора. И посадил Сталин статистику под замок.

А как же все-таки быть с людьми? Маловато стало строителей. С кем пятилетки выполнять? Предначертания без исполнителей так и останутся предначертаниями. Пусть даже великими, то есть величественными, нет — пусть и то и другое.

Можно, конечно, прекратить аресты, остановить голод, вернуть землю тем, кто ее обрабатывает. Но это будет капитуляция перед частнособственническими элементами. Позор капиталистического напа не повторится. Партия Ленина — Сталина никогда не изменит принципам сталинского социализма.

И тут Вождя осенило. А что, если

попробовать увеличить рождаемость детей? Ведь так просто. И, как всегда, гениально. Да, но каким образом осуществить эту действительно гениальную идею? Не поднимать же в самом деле благосостояние народа... Хватит с него того, что мы на каждом съезде партии объявляем о дальнейшем росте всех благ. Пожелаем ему всех благ и продолжим наши размышления. Пожалуй, лучше всего запретить что-нибудь. Но что именно?

И Мудрейший запретил аборты.

Но рождаемость не увеличилась. Увеличилось число арестантов за счет гинекологов и самодеятельных «докторов», преступивших новый закон. Увеличилось число больных женщин. Точному подсчету потерь помешала война. Но это уже новые потери и новые статистические игры.

Статистика не ведает точного числа загубленных в тюрьмах и лагерях. На Лубянке после смерти Сталина уничтожили все бумаги казенных. Одни пустые папки с фамилиями подсудимых остались. В лагерях ямы с миллионами трупов засекретили, зоны перекопали. А сколько кладбищ по городам и весям с землей сровняли?

И в двадцатые годы тюрьмы не, пустовали. Но число заключенных пока еще не превышало числа арестованных в царское время.

Среднесуточное количество заключенных: 1905 год — 85 000; 1906 год — 111 000; 1907 год — 138 000; 1908 год — 171 000; 1909 год — 175 000; 1910 год — 168 000; 1911 год — 175 000; 1912 год — 183 000; 1923 год — 65 000; 1924 год — 86 000; 1925 год — 98 000; 1926 год — 104 000; 1927 год — 122 000.

Мы не располагаем данными за последующие годы. Зато известна численность населения тюрем и истребительных лагерей в год большой волны — тридцать восьмом — ШЕСТНАДЦАТЬ МИЛЛИОНОВ¹.

В период полицейской реакции — во всех учебниках ее называют «красной», «страшной», — последовавшей за революцией 1905—1907 годов, в царских тюрьмах сидело 170—180 тысяч. Что говорить, жестоко было время...

Таблица наводит и на другие размышления. После 1923 года наметилась явная тенденция к росту заключенных, в двадцать седьмом их число удвоилось. Пройдет всего десять лет — будет 16 миллионов.

Это число надо сопоставить с населением страны. По переписи 1937 года оно равнялось 156 миллионам. В 1938 году с учетом прироста могло быть 158 миллионов — почти 160.

Итак, 16 миллионов на 160. Каждый десятый. А если без детей и престарелых?

30 мая 1978 года газета «Правда» сообщила: в Уругвае 7 тысяч политических заключенных — по одному на 400 жителей. Почти столько же — в ЮАР. В Чили, со дня прихода к власти Пиночета, с 1973 по 1975 год, за решеткой побывал каждый сороковой житель. На XXV съезде КПСС делегат Испанской компартии заявил, что в его стране насчитывается 550 политзаключенных, из них половина — террористы. Это в государстве, где компартия находилась тогда под запретом.

Масштабы содеянного Сталиным лег-

¹ Цифровые данные приводятся по расчетам автора. — Примечание редакции.

ДЕЛО о пропавшей

Антон АНТОНОВ-ОВСЕНКО

че постигнуть, обратившись к прошлому. При Иване Грозном, когда феодальную Русь сотрясала опричнина, погибло четыре тысячи бояр. Это произошло четыреста лет назад.

Версальцы расстреляли в Париже около тридцати тысяч коммунаров.

Полторы тысячи агитаторов выловили российские жандармы в деревнях в дни «безумного лета» 1874 года. Эта акция получила название «великой травы».

Смерть к XIX веку стала проявлять тяготение к масштабности. В XX веке она превратилась в средство оптового уничтожения. Убитые на войне стали исчисляться десятками миллионов. Сталин и здесь внес новое, свое, сталинское, показав изумленному миру, что во внутренней войне против своего же народа можно уничтожить руками этого же народа вдвое больше людей, чем на войне с соседями.

Отдавал ли Сталин предпочтение какой-либо нации? Поощрял ли кого? Скучные данные статистики говорят, что он был существом всеядным.

В 1937—1938 годах в Азербайджане с населением 2 215 тысяч (на 1939 год) органы арестовали 28 тысяч человек, примерно каждого из тридцати взрослых. В Грузии арестовано втрое больше — 63 тысячи, хотя население Грузии превышало население Азербайджана лишь в полтора раза.

Значит, жертвой террора стал каждый двадцатый взрослый житель Грузии. Значит, не только о старых земляках-коммунистах позаботился Джугашвили-Сталин. Полные данные за все годы правления Сосо отразили бы иную картину: один замученный-казненный на десять земляков «отца народов».

Но Грузия счастливо избежала голодного мора 1930—1932 годов. Не то — Украина, хлебообильная житница страны. По данным переписи 1926 и 1939 годов, население Украины уменьшилось с 31 до 28 миллионов. Приrost должен был составить за 13 лет не менее 6,5 миллиона (если взять скромную цифру ежегодного прироста в 0,5 миллиона).

О последствиях массового террора можно написать специальные исследования. Взять, к примеру, динамику рождаемости с 1928 по 1940 год.

Статистики вычислили коэффициент рождаемости по годам: 1928 год — 44,3; 1929 год — 41,8; 1930 год — 41,2; 1931 год — 32,6; 1932 год — 32,6; 1933 год — 32,6; 1934 год — 32,6; 1935 год — 31,6; 1936 год — 34,3; 1937 год — 38,7; 1938 год — 37,5; 1939 год — 36,5; 1940 год — 31,2.

Резкое падение рождаемости — на 9 процентов — в 1931 году отразило, несомненно, грандиозную победу сталинского режима в войне против собственных крестьян. И голод. А неестественно застывшая на четыре года цифра 32,6 — что за пропасть призвана она сокрыть?.. (По неофициальным данным, в 1932—1934 годах умерло 2,5 миллиона новорожденных.)

В 1936 году, когда страна начала выбираться из продовольственного кризиса, а последствия массового террора еще не успели сказаться в полной мере, рождаемость стала медленно подниматься. В тридцать девятом начался спад, в сороковом коэффициент упал до самого низкого уровня. Но эти очевидные данные не помешали одному из авторов сборника прийти к замечательному заключению: вероятность умереть

в 1938—1939 годах (в сравнении с годами 1926—1927) по всем возрастным группам уменьшилась.

Если верить таким специалистам, то террора вроде бы и не было...

Сталин нередко баловал себя беседами с известными писателями. Если бы не соображения престижа трона, который требовал, по мнению генсека, почетной изоляции, он встречался бы с деятелями культуры гораздо чаще. Взобравшись на самую вершину, Сталин внутренне чувствовал себя неуверенно. Абсолютное пренебрежение к человеческой личности странным образом уживалось в нем с почтением к крупным поэтам, самобытным писателям, ярким художникам. Этим он отличался. Хотя уничтожал так же споро, как бесталанных.

Каждая встреча с именитым мастером культуры помогала Сталину самоутверждаться. Однажды в беседе с Ильей Эренбургом генсек обронил многозначительно: «Иван Грозный и Петр Великий срубили недостаточно голов».

Когда же будет достаточно? Не рано ли подводить баланс?..

Надо войти в положение тиранов: рубить головы по одной — весьма трудоемкий процесс, требующий, как всякая тотальная война, мобилизации значительных людских и материальных ресурсов и самоотверженного напряжения сил самого правителя. Император Калигула, притомившись, воскликнул однажды: «О, если бы у римского народа была лишь одна голова!».

Это могло бы устроить и Отца Народов.

«Задачи инквизиции — истребление ереси; ересь не может быть уничтожена, если не будут уничтожены еретики; еретики не могут быть уничтожены, если не будут истреблены вместе с ними их укрыватели, сочувствующие и защитники».

Вряд ли Иосиф Сталин был знаком с этим заявлением французского инквизитора XIV века Бернара Ги. Он увлекся эпохой Ивана Грозного. Но свою программу выполнил. «По Бернару Ги». И — как уже известно — со значительным превышением.

...Сталин почил, но сила инерции сталинщины была такова, что корабль, уже без великого кормчего, влекло еще три года апробированным фарватером.

В 1956 году грянула оттепель. Президиум ЦК испросил у органов цифры. Сведения, собранные «внутренними» статистиками, выглядели так: с 1935 по 1940 год через Лубянку и ее филиалы прошло 19 840 000 человек. Из них 7 миллионов было расстреляно в тюрьмах. Остальных отправили на медленную смерть.

20 миллионов. Много это или мало? Четверть взрослого населения страны — без детей и престарелых. Почти все погибли. В числе убитых и замученных в лагерях — лучшие умы, цвет народа.

В книге Евгения Замятина «Мы», вышедшей в свет в 1920 году, есть предсказание о непогрешимом Благодетеле и массовых казнях.

Жизнь оказалась страшнее выдумки. Обезглавить нацию, низвести народ Пушкина и Шевченко, Руставели и Радичева, Толстого и Левитана, Ломоносова и Авиценны до уровня безликой тиранопослушной «массы»... Не к тому ли стремился Иосиф-Благодетель?..

Трагически оборвалась жизнь Ирины Григорьевны Лобановой.

Больно и трудно говорить о ней в прошедшем времени — была. Для нас еще жив ее голос, жива улыбка ее...

Она работала в отделе литературы и искусства. Авторы «Смены»: писатели именитые и молодые, журналисты, художники — все, кто знал ее,

читая сейчас эти скорбные строки, вздохнут с горечью: как же так, ведь только вчера...

Только вчера она готовила рукопись в очередной номер, правила гранки, договаривалась о новой «гвоздевой» публикации. Она спорила, шутила, и возле нее всегда было тепло и сердечно.

Ира прекрасно рисовала (она художник по образованию), писала стихи, но, главное, она любила людей, умела разглядеть за словом, строкой движение души. Она искала таланты и находила их. Лучшие поэтические публикации «Смены» — тому подтверждение.

Смерть всегда жестока и нелепа. Но это ощущаешь с особой остротой, когда внезапно обнаруживаешь пустоту там, где только что была яркая самобытность жизни. Мы долго еще будем ловить себя на мысли: а что бы сказала об этом Ирина, что бы она посоветовала?..

Ушел из жизни человек — умный, добрый, честный. Но остались рисунки, картины, стихи. Осталась память сердца.

Понимаем: это утешает лишь в малой степени. И все-таки как это верно — люди живы, пока мы помним о них!

Редакция «Смены»

Ирина ЛОБАНОВА

РАССВЕТ

Проникла в сердце грусть.
И темный сумрак леса
Заманивает вглубь,
Как омут вода.
С дороги сдуло пыль,
И, словно занавеской,
Задернулась в ночи
Последняя звезда.
Туман лежал у ног,
Вдоль леса изогнувшись,
Холодный и больной,
Уйти в овраг не смог.
И легкий василек,
Едва к утру проснувшись,
От утренней росы
И свежести продрог,
Вдали пропел петух.
Луна совсем поблекла.
И были у гуина
Уже видны стога.
Все было, как всегда,
Но для меня померкла
Последняя в ночи
Блестящая звезда.

Дымный дух подгоревшего хлеба,
Как забытый в столетях глагол,
Бьется в окна туманами небо,
Перекатом сползает на дол.

Ставят чай. Звон стаканов.
Гирлянды
Придорожных далеких огней,
Словно звездная россыпь, нарядно
Охватили кольцо пустырей.

Новизна! Ты в избитом пейзаже,
Коль к нему приглядеться слегка,
В чистых звездах чернеющих
скважин,
Прорывающих облака.

АРЛЕКИН

Я надел свою маску.
Вышел в зал.
Зал
Призывно звучал
Голосами.
Я был мертв.
Я стоял и молчал.
Я был стар. И устал...

Подходили прохожие —
Руку мне жали.

■
Снова
В молчаньи суровом
Слово,
Рожденное мраком.
Смерть,
Ты смеешься над богом,
Жизнь
Отмечавшь ты знаком.
Сонна
Сиренева чаша,
Воздух
Так сладок и дымен.
Счастье,
Смеялось почаще б.
Путь мой извилист и длинен.
Следом за поступью гулко
Рифмою звук тамбурина.
Там,
За глухим переулком,
Месяц родился, Ирина...
Снова
Заветы нарушив,
Кто-то идет в неизвестность.
Мир наш — игра и игрушки
С грустью, весельем и песней.

ВОСХОД

Затянулась ряской
Гладь воды у берега,
Словно алой краской
Выкрашено дерево.

Загляделась в омут я
Тихого потока,
Утонуло облако
В зареве востока.

Мир на время замер,
Начиная сутки.
Синими слезами
Плечут незабудки.

И уже папавный
Голос птиц повсюду.
Этот миг волшебный
Жизни не забуду.

■
И ощутила жизнь, и призрачно,
Сладка, горька — и не понять,
Что тут отвергнуто, что признано,
Как жить и как в ней умирать.

Пусть все обдуманно, все пригнано,
Срифмовано с мой строкой.
Песчинка. Море. Лодка. Пригород.
Все остальное — за тобой.

Я не могу ступить уверенно
И быть с тобой всегда на «ты».
И не могу поймать мгновение,
Чтобы понять ее черты.

перепиши

Юрий Горюхинычко — главный режиссер театра-студии на Красной площади

ВОКЗАЛ ВСЕХ ВРЕМЕН

Нина ЧУГУНОВА

Фото
Евгения
СТЕЦКО

—...Я вот сейчас ехал и подумал о «Леесе»: ну, хорошо, очень хорошо, что делать хочу. А то все репетирую с пятого на десятое... Я ведь давно ставлю, с семидесятого года регулярно. И все спектакли помню... Те, первые, что касается формы, то форма была, и даже скажу, не чтоб хвастаться, а чтоб слова не искать — изощренная, лишь, возможно, не так отделанная. Так что один критик, которому показали спектакль — в пустом зале, без меня — трудные были времена, — он заявил, мол, спектакль простой, что «необычно для этого режиссера», и так он хотел меня выручить, такие были времена... А в дей-

Идет релакция... (артисты Татьяна Токарева и Алексей Никольников)

ствительности те первоначальные спектакли отличались тем, что были сделаны и шли на такой... оголтелой эмоциональности. Не такой, что вот «ура», «даешь угля», а на слезах, на рыданиях, когда нет ни фабулы, ни сюжета, а «слезы и рыдания» вызваны движением к некоему результату... Ведь ясно было, что впереди у нашего поколения ничего нет.

Юрий Погребничко, десять лет назад поставивший на Таганке «Трех сестер», вернулся в Москву. Закончились годы, прямо сказать, изгнания.

Все эти годы он жил по своим правилам и не погиб. Как жил? Почему не погиб?.. Опыт, необходимый и в добрые времена, а какие сейчас идут — знаем? Словом, он получил театр. Нет, неправильно. Его позвала, пригласила к себе труппа — вот как он пришел в театр-студию на Красной Пресне. Да-да, в тот самый театр, который на исходе печально-славных времен «рухнул» при драматических обстоятельствах. (Это напоминало внезапное падение занавеса во время действия, так, во всяком случае, казалось со стороны.)

Название театра после замятого скандала осталось прежним, как если бы остался стоять фасад упавшего здания. Но то, что

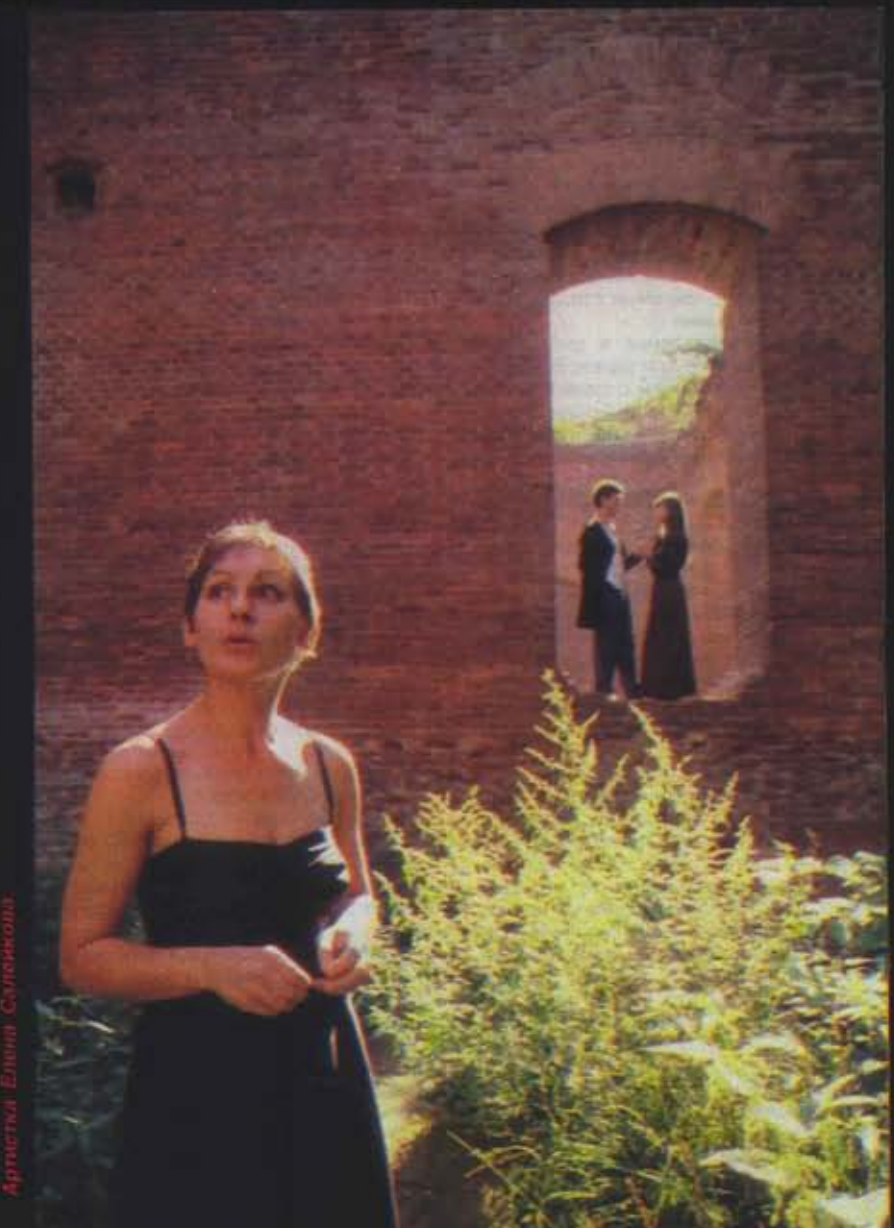
всегда следовало за названием как бы в скобках, читаясь значительно — «театр Спесивцева», было вычеркнуто. Но, конечно, формально, потому что даже и представленный другим режиссером (их сменилось несколько), театр продолжал оставаться детищем и созданием бывшего «любимого руководителя».

Повзрослевшие дети общими усилиями выбросили вон диван, долго украшавший кабинет человека, облику которого пополнившие по театральной Москве слухи придавали прямо-таки странные черты...

Вот вам семидесятые годы в полном расцвете сил: семидесятые, начавшиеся раньше и закончившиеся позже календарного срока.

Ну, а режиссер Погребничко все ставил и ставил свои спектакли вдали от Москвы (пребывая в последнюю пору в должности главного режиссера драматического театра в Петропавловске-Камчатском), и им владела идея «поражения» — излюбленная им!

Вот мысль, преследующая меня, вот тайная цель фрагментных записей: как должно жить в трудные да и во всякие времена, чтобы себя не упустить? Как добиваться успеха и как сопротивляться ему? Насколько доверять времени?

Надежда ТАИРОВА

Опять звучит романс Чайковского на слова Гейне: «Хотел бы в единое слово я слить свою грусть и печаль...» И мы привычно не удивляемся, уловив русскую речевую основу романа — кто-то перевел Гейне с немецкого на русский язык. Кто? Ах, не все ли равно, скажет иной слушатель, отдаваясь пленительному союзу поэзии и музыки: «...и бросить то слово на ветер, чтоб ветер унес его в даль». Все выше щемящий душу полет светлого желания... В безупречное изящество стиха оправлены мысли и чувства, свойственные лучшим образцам русской любовной лирики. Не странно ли, что бесплотной, почти безымянной тенью стал для нас автор этого перевода стихотворения Гейне?

А меж тем он был не только блестящим переводчиком, познакомившим русскую читающую публику со многими поэтами самых разных времен, среди

заставляла зрителей рыдать над горькими женскими судьбами, где чаровала изяществом ума, красоты и виртуозного мастерства обольстительная александринская премьерша Савина...

Век двадцатый оказался менее милосерден к Мею. Поначалу, правда, еще издаются собрания его сочинений. Но как знать, появились бы они, если бы

которых Анакреон, Гоэсский, Феокрит, Шиллер, Гете, Мицкевич, Беранже, Мильтон, Гюго, Байрон. Его перу принадлежат исторические драмы, оригинальные стихи — глубокий лиризм, их искренность и ясность слога привлекали внимание Глинки, Мусоргского, Бородина, Чайковского, Направника, Рахманинова, а далеко не каждому поэту суждено быть причастным к рождению шедевров музыкального искусства. Пожалуй, нет другого поэта, чьи драмы почти без изменений легли в основу либретто опер, по сей день украшающих репертуар многих оперных театров — это «Псковитянка» и «Царская невеста» Римского-Корсакова. Не странно ли, что такого творческого наследия оказалось мало для благодарной людской памяти о Льве Александровиче Мее, который и при жизни не был оценен по достоинству ни как поэт, ни как драматург. Мей не современен, — утверждали его современники — даже архаичен. Основательно забытое всеми имя Мей вспыхнуло невиданным светом четверть века спустя, в 80-х годах прошлого века. Выходит полное собрание сочинений Мей в пяти томах, постановки его драм сопровождаются восторженными рецензиями. Впрочем, эти похвалы можно отнести на счет самих спектаклей, где великая Стрепетова

не личный энтузиазм их редактора П. В. Быкова, понимавшего Мей, как может быть, никто другой. «Мей — тонко чувствующий поэт, оригинальный, непохожий на других, по чистоте, образности и выразительности языка едва ли не выше всех современных ему писателей. Мей — страстный патриот в благородном и обширном значении слова, обожавший родину, глубоко веровавший в ее великую будущность, в силы нашего народа», — писал Быков в предисловии к собранию сочинений Мей, вышедшему в 1911 году. Ах, Петр Васильевич, благородная, добрейшая душа!..

И ныне еще не дождался Лев Александрович Мей той оценки, о которой мечталось его немногочисленным почитателям на заре нашего столетия. В 1947 году к 125-летию со дня рожде-

ния поэта выходит скромный сборничек. Затем, в той же серии «Библиотека поэта», небольшим тиражом выходит его «Избранное», а три года назад «Советская Россия» издает небольшой сборничек. Это все, чего удостоился Лев Александрович Мей, судьба которого являет нам пример едва ли не самый горестный того, как мы нелюбопытны и расточительны безмерно, оставляя не востребуемыми целые духовные миры и естественную поучительность судеб талантливых людей...

Мей родился в Москве 13 февраля 1822 года. Он рано потерял отца — обстоятельство, сыгравшее впоследствии роль более значительную, чем предполагал этот не столь уж исключительный житейский факт. Один из современников поэта вспоминал о нем: «Как человек, Мей был необыкновенно сим-

патичен. Он соединял в себе замечательную мягкость характера с сердечной добротой». Представим себе жизнь типичного московского дворянского семейства, обитающего в Хамовниках и состоящего из одних женщин — бабушка, мать, тетки, свояченицы, нежно привязанные друг к другу, а к сиротам — особенно. Левушка Мей рос в убеждении, что основу человеческих отношений составляют любовь и доброта. Каким необходимым было бы влияние отца, храброго участника Бородинского сражения, сумевшего бы, наверное, привить сыну качества истинно мужского характера. Возможно, судьба Льва Александровича сложилась бы по-иному. Начало этой жизни обещало так много, было таким светлым...

В 1831 году, девяти лет от роду, Мей поступает в Московский дворянский ин-

Рисунок Елены ФЛЕРОВОЙ

«ПЕРЕЖИМ БЫ Я НОЧ

всякое вдохновение, кроме казенного. Ведь и Пушкин мучился под этим беле-сым небом и рвался прочь: «Давно, усталый раб, замыслил я побег...» Льву Александровичу со времени завершения работы над «Псковитянкой» уже не писалось с былым наслаждением. Прелестная радость и жажда творить являлась редкой гостьей вместе с мечтами, уносившими в Москву, где все, решительно все — контраст холодно-официальному Петербургу... Видения прошлого оживали с пронзительной силой. Родные Хамовники, опоясанные синей лентой Москвы-реки; заливные луга и череда духмяных огородов, зеленые переулки, весело сбегавшие к чугунной резной оградке, за которой высилась, дивно сияя пятью золотыми куполами, церковь Николая; родительский, удобный для жизни дом, а подле него неотлучно — Чур, беспородный невзрачный пес, объект постоянных насмешек гостей, единственный свидетель бессонных ночей любимого хозяина, «одинокое, упорное труда» поэта...

Воспоминания были живее происхо-

дящего в действительности. Стихами становились розовые сны о минувших веснах, томительные грезы о чужих поместьях, где Мею доводилось гостить у добрых московских знакомых. Он еще влачил, словно по инерции, прежнее существование, обходя редакции в поисках заработка, но уже не помышлял о перемене участи. Вполне равнодушно отнесся к решению жены самой издавать журнал «Модный магазин» — Софья Григорьевна пожелала лично распорядиться деньгами, полученными под залог смоленского имения отца. И дела у нее — не в пример супругу — пошли хорошо. С начала 1862 года в семье Мея наступило относительное материальное благополучие. Да и граф Кушелев-Безбородко сдержал слово: начало выходить трехтомное собрание сочинений Мея.

Но судьба опоздала с милостями. «Никогда не берег себя, — писал впоследствии о друге Владимир Зотов, — не принимал никаких предосторожностей и, едва оправившись от болезни, потрясшей весь его организм, простудился и умер неожиданно». Возвращаясь

из редакции, Мей прогудился, и 16 мая 1862 года его не стало. Кончина поэта осталась почти незамеченной, и число пришедших проводить его в последний путь до Митрофаньевского кладбища было весьма невелико. В петербургской литературной среде малолюдье траурной процессии отнесли на счет небывало холодной весны, напоминавшей позднюю осень с ее заморозками и мокрым снегом...

Когда-то, при первом знакомстве с жизнью и творчеством Льва Александровича Мея, мне показалось, что стечение печальных обстоятельств играет главенствующую роль в его судьбе. Так ли уж непредсказуемо и независимо от самого человека течение его судьбы, как это заметил мудрец Омар Хайям: «Небрежен ветер: в вечной книге жизни мог и не той страницей шевельнуть»? Не той — и безвременно обрывалась так много обещавшая жизнь...

Тогда же увиделась и пугающая закономерность, по которой уходили до срока лучшие поэты и писатели России и которую не объяснить было всего

лишь роковой небрежностью ветра, шевелящего «не той страницей». Кровавым пунктиром прочерчена история российской литературы. В череде невосполнимых утрат допушкинской поры едва ли не самая тяжелая — смерть гениального юноши Андрея Тургенева. Поэты падали, сраженные если не пулей, то «недугом бытия». Баратынский, Пушкин, Лермонтов, Блок, Есенин, Маяковский, а после них — чудовищный разгул сталинских репрессий, не оставивший даже могил «властителей дум»... До дна испили чашу страданий Ахматова и Пастернак, чашу, уготованную поэту на Руси. Истинный талант по природе раним, незащищен и лишен житейской наступательной энергии. Поэтому и сегодня долг общества — защищать незащищенное свое художественное достоинство нынешних ли, давно ли минувших лет, с рачительностью благодарного наследника высвобождать забытые имена из плена времени. Прислушайтесь: и сегодня летит к нам по ветру то единое слово, в котором слиты грусть и печаль, любовь, вера и надежда поэта Мея...

Лев МЕЙ

■
Не знаю, отчего так грустно мне при ней?
Я не влюблен в нее: кто любит, тот тоскует,
Он болен, изнурен любовью своей.
Он день и ночь в огне — он плачет и ревнует...
Я не влюблен... при ней бывает грустно мне —
И только... Отчего — не знаю. Оттого ли,
Что дума и у ней такой же просит воли,
Что сердце и у ней в таком же дремлет сне?
Иль от предчувствия, что некогда напрасно,
Но пылко мне ее придется полюбить?
Бог весть! А полюбить я не хотел бы страстно:
Мне лучше нравится — по-своему грустить.
Взгляните, вот она: небрежно локон вьется,
Спокойно дышит грудь, ясна лазурь очей —
Она так хороша, так весело смеется...
Не знаю, отчего так грустно мне при ней?

БАРКАРОЛА

Стихнул говор карнавала,
На поля роса упала,
Месяц землю серебрит,
Все спокойно, море спит.
Волны нянчатся гондолу...
«Спой, синьора, баркаролу!
Маску черную долой,
Обойми меня и пой!»
— «Нет, синьор, не скину маски,
Не до песен, не до ласки:
Мне зловещий снился сон,
Тяготит мне сердце он».
— «Сон приснился, что ж такое?
Снам не верь ты, все пустое;
Вот гитара, не тоскуй,
Спой, сыграй и поцелуй!»
— «Нет, синьор, не до гитары:
Снилось мне, что муж мой старый
Ночью тихо с ложка встал,
Тихо вышел на канал,
Завернул стилет свой в полу
И в закрытую гондолу,—
Вон, как эта, там вдали —
Шесть немых гребцов вошли...»

■
О ты, чье имя мрет на трепетных устах,
Чьи электрически-ореховые косы
Трещат и искрятся, скользя из рук впотьмах,
Ты, душечка моя, ответь мне на вопросы:

Не на вопросы, нет, а только на вопрос:
Скажи мне, отчего у сердца моего
Я сердце услышал, не слыша своего?
Конец 1840-х или начало 1850-х

ЗНАЕШЬ ЛИ, ЮЛЕНЬКА

(Ю. И. Липиной)

Знаешь ли, Юленька, что мне недавно
приснилось?..
Будто живется опять мне, как смолоду жилось;
Будто мне на сердце веет бывальными вёснами:
Просекой, дачкой, подснежником, хмурыми
соснами,
Тальными зорьками, пеночкой, Невкой, березами,
Нашими детскими... нет! — уж не детскими грезами!
Нет!.. уже что-то тревожно в груди колотилось...
Знаешь ли, Юленька?.. Глупо!.. А все же
приснилось...
1860

В АЛЬБОМ

(Гр. Е. П. Растопчиной)

Я не хочу для новоселья
Желать вам нового веселья
И всех известных вам обнов,
Когда-то шитых от безделья
Из красных слов.

Но дай вам бог под новым кровом
Стереть следы старинных слез,
Сломать шипы в венце терновом
И оградиться божьим словом
От старых гроз.

А если новые печали
На долю вам в грядущем пали,
Как встарь, покорствуйте творцу
И встретьте их, как встарь встречали,—
Лицом к лицу.

Пусть вера старая основой
Надежде старой будет вновь,
И, перезрев в беде суровой,
Пускай войдет к вам гостьей новой
Одна любовь.

ДЕРЕВНЯ

Посвящается
Надежде Дмитриевне П(оловце)вой

1
Они прошли, прошли, бывшие дни
Спокойствия вдали от шума света!
Когда ж опять вернуться к нам они?
Конечно, мыждемся снова лета
И двадцати трех градусов в тени,
Но эта лень, невозмутимость эта —
Не верится, что вновь когда-нибудь
Мы усладим ей жизненный наш путь.

1850
Я восстаивал на жизнь тех домоседов —
Помещиков, которые, как ай
В своем дупле, в углу отцов и дедов
Сидят весь век, чем их ни вызывай.
Теперь их лень я понял... Грибоедов
Давно сказал: «Деревня летом — рай!»
Да! в хорошо устроенных именьях
Блаженна жизнь, как в праведных селеньях.

Вы помните?.. Бывало, мы в саду
Сидим в тени; по листьям ветер жаркой
Лепечет что-то, как больная в бреду;
Над нами вяз темно-зеленой аркой
Спускается; луч солнца по пруду
Бежит струей чешуйчатой и яркой;
Рой пчел жужжит на полевых цветах,
И воробьи чирикают в кустах.

Сидим... В руках дымятся папиросы,
А лень курить — лениво ищет взор
Знакомых мест: вот нива, вот покосы,
Дорожка на зеленый косогор...
С малиной и клубничкою подносы
Нетронуты стоят, и разговор
Чуть вяжется... не худо б прогуляться,
Да как с скамьей дерново расстаться?
Вот вечером...

2
Да: вечером пришлось

Приписывать к бывало мушкетеру;
Но сколько лет меж нами пронеслось,
Но как давно покровскому затишью
Я стал чужой, и как давно мы врозь?..
Не сельской я, а городскою мышью,
По чердакам, не в зелени полей,
Гложу листья... печатанных статей.

Конечно, пища вовсе не дурная,
И много пользы от нее подчас;
Но все-таки, о прежнем вспоминаю,
Я умственно не отходил бы глаз
От оных мест потерянного рая,
Где услаждали молодость не книги,
(Не Мильтона — могу уверить вас!),
А лес да луг с живою змейкой Скниги.

И точно: речка чудно хороша
По вечерам... Тогда жара отхлынет,
И, полной грудью на воду дыша,
Зеленый берег понемногу стынет;
То ветвь сосны, то стрелку камыша
Прозрачной тенью в воду опрокинёт,
И тень за тенью — стройны и легки —
Лениво тонут в пурпуре реки.

1856
Как весело тогда по косогору,
Промоинной песчаной, на коне
Взбираться вверх к темнеющему бору
И кланяться то ели, то сосне,
Чтоб веткою колючей, без разбору,
Не наклонялись, сонные, оне...
Но вот и гребень глинистый обрыва,
Багровый весь от зорного отлива.

И что за вид оттуда за рекой!
Не знаю — вам, а мне тоска сжимала
Всю внутренность рукою ледяной,
Когда с обрыва я глядел, бывало,
Вниз на реку... Зато, о боже мой!
Рвалась вон душа и ликовала,
И призраком казалась печаль,
Когда смотрел я за реку, в ту даль...

В ту даль, где я оставил много-много
И радостей, и жизни молодой,
Куда вилась знакомая дорога...
Но я боюсь вам надоест собой,—
Забылся я: простите, ради бога!
Мы с вами на обрыве за рекой...
Уже темно. Огни зажглись в избушках,
Заря погасла на лесных верхушках.

Под нами сетка из цветов и трав,
Весною опрокинутый стаканчик,
Льет запах ландыша, под кустом приправ,
И мотыльком порхает одуванчик;
И, к холке ухо левое прижав,
Мотает мордой ваш гнедой Буянчик,
Упрямится — нельзя ль щипнуть травы,
Да не дают: его упрямей вы...

Хоть несколько боитесь, если ухо
Прижмет он к холке... А домой пора,
Пока росы нет на поле и сухо...
Вот лай собак с господского двора
И стук колес донесся нам до слуха:
К вам гости — и, наверно, до утра!
В галоп, Буянчик! право, опоздаем:
Чу! десять бьет — все общество за чаем...

1848 — конец 1850-х

КАВЕРНЫ

СТЕНА 80

SOS!

Александр ТАМБИЕВ,
кандидат биологических наук,

Иван ИВАНОВ

В "ЗЕЛЕННЫХ ЛЕГКИХ"

Все мы знаем: зеленый пояс необходим городу, как легкие — человеку. Он формирует микроклимат, служит для отдыха, регулирует состояние воздушного бассейна. Сравнительно недавно представитель Госстроя СССР Г. Долгих сообщил в газете «Труд»: «В пределах защитной зеленой зоны запрещено строить жилые массивы и предприятия».

На словах все правильно. А что же на деле? Сегодня зеленый пояс Москвы относительно площади застройки **втрое меньше**, чем, например, у такого же гиганта, как Нью-Йорк. И продолжает умищаться!

Все экологические беды и проблемы сфокусировались сейчас в Солнцевском районе столицы. Он был создан в 1984 году на основе города Солнцева и прилегающих к нему земель. Создан волевым решением, без учета общественного мнения, несмотря на возражения Минздрава РСФСР и Госстроя РСФСР. В черте Москвы оказался массив между Боровским шоссе и Киевской железной дорогой — утопающие в зелени поселки и деревни Ново-Переделкино, Чоботы, Лазенки, Орлово и другие. Это решение было объяснено заместителем начальника ГлавАПУ Москвы О. А. Заленским следующим образом: «В Солнцева и прилегающих к нему населенных пунктах расположен целый ряд (выделено нами. — А. Т. и И. И.) московских предприятий, где уже долгое время трудятся местные жители».

Но, во-первых, из этого объяснения ровным счетом ничего не следует. А во-вторых, если бы у нас присуждали призы за дезинформацию, то О. А. Заленский смело мог бы претендовать на Гран-при. Никаких предприятий в названных поселках нет и никогда не было. Как нет их и рядом — в городке писателей. Зато здесь расположены интернат деятелей международного революционного движения, кардиологический детский пульманологический санаторий.

Каков же смысл включения поселков в Солнцевский район? Удивительно приотлило прошла граница нового района. Похоже, ответственный товарищ в Солнцевском райисполкоме, сидя с линейкой и калькулятором, просто подсчитывал количество жителей будущего района: для того, чтобы стать районом Москвы, необходимо набрать определенный минимум.

А в Солнцевском районе происходят трагедии. И общественные, и личные. Здесь леса и деревья зоны поселков принадлежат к первой категории — согласно Лесному кодексу РСФСР, они не могут быть уничтожены ни при каких обстоятельствах. Дома в поселках окружены великолепно разросшимися садами. Но разрушение природы продолжается! Над «регионом Переделкино» нависла угроза, которая становится серьезнейшей угрозой и для здоровья миллионов москвичей. Разрушение этой важнейшей части зеленого пояса уже начато. И если его не остановить, то эта часть «легких Москвы» будет уничтожена полностью. Тяжесть последствий ляжет на весь город, вызвав необратимые изменения. Зеленая зона на Юго-Западе — источник чистого воздуха для города. Район особенно важен для Москвы из-за господствующей розы ветров — они направлены с юго-запада. К тому же район этот расположен выше уровня Ленинских гор.

Однако именно «регион Переделкино» избрали проектировщики и строите-

ли как наилучшее (с их, конечно, позиций) место для гигантской стройки. Они, правда, обещали «уделить большое внимание мероприятиям, обеспечивающим охрану окружающей среды». Минувшие пять лет. Поселок Новое Переделкино, деревни Терешково, Суково уже снесены. На огромной площади вместо тенистых аллей, многолетних сосен и берез, ухоженных садов и цветников, аккуратных грядок с зеленью и овощами, ягодников, зеленых улиц — исковерканная бульдозерами безжизненная пустыня и голые коробки домов. На полутора тысячах гектаров строится целый город с населением 350 тысяч человек.

Вместо снесенного поселка Ново-Переделкино стоят многоэтажные дома, в которых жителям этого же поселка предоставлено 800 квартир. Им же выплачено 6 миллионов рублей компенсации. Это при том, что они протестовали, требовали, писали во все инстанции, просили их не трогать...

Сейчас строители ведут подобное «освоение территории» справа от Боровского шоссе. Какая злая ирония: именно там в далеком 1945 году школьники из поселка Чоботы вышли на массовые субботники — тогда на всю страну прозвучал их призыв «Украшим Родину садами!». Сразу же за зданием Чоботовской средней школы, вплотную к Боровскому шоссе еще растет лесок, посаженный их руками. Близ шоссе он уже задет строителями. Кстати, здешние столетние деревья в годы войны, когда в печках сгорали мебель и библиотеки, не пошли на дрова. Люди пощадил их. Неужели сейчас мы уничтожим то, что было сохранено?

И все же, почему именно здесь решено развернуть строительство?

Жилые кварталы Солнцева могли бы вырасти в других местах — на пустырях у Московской кольцевой дороги, близ Востряковского кладбища, севернее от станции Солнечная и т. д. Почему избрано Переделкино?

Возникают и крайне сложные экономические проблемы. Расползание города приведет к резкому удорожанию строительства: увеличивается протяженность инженерных коммуникаций, дорог, увеличивается парк общественного автотранспорта. По мнению специалистов, Солнцево не принадлежит к районам, перспективным для массовой застройки. А транспортную проблему для строящегося района решить, в сущности, невозможно: ни Юго-Западный, ни Кунцевский радиусы метро, ни Киевская железная дорога принять огромный дополнительный поток пассажиров просто не в состоянии — их пропускные способности исчерпаны.

Некоторые товарищи предлагают нашигивать «легкие Москвы» промышленными предприятиями, превратив тем самым оторванный от города «спальный» район в индустриальный. Сместе достаточно квалифицированно заверить: нет «экологически чистых» предприятий, которые можно размещать в зеленом поясе. Будь то бензозаправка или совместное полиграфическое предприятие «Бурда-моден», которое намечено возвести в Солнцевском районе около деревни Орлово. Любое

производство, даже просто строительство, необратимо воздействует на природу. Единственный выход — искать площади внутри кольцевой автодороги. Каждый москвич наверняка не раз видел огромные пустыри и свалки в столице, растянущиеся на многие километры гигантские базы и склады в одноэтажном исполнении, чистые поля между новыми микрорайонами.

Расползание города в сторону аэропорта Внуково противоречит шумовым нормам и приводит к необходимости целого ряда дорогостоящих мероприятий.

Но в Главмосстрое об этом, видимо, и не думают. Там торопят строительство, проявляя ведомственное рвение. Торопят, не понимая (еще хуже, если понимая!), какие последствия вызовет уничтожение зеленого пояса. Ведомственные амбиции вновь оказываются сильнее здравого смысла, сильнее просьб ученых, писателей, широкой общественности.

И цели, и логика строителей не представляют секрета. Застройку сплошным фронтом в поле вести гораздо проще, нежели строить и реконструировать жилье в самом городе. Потому едва продвигаются работы по реконструкции в центре Москвы, где многие дома стоят необитаемыми по пять — семь лет. И это при острой нехватке жилья!

Тактика такая: пока не утвержден Генеральный план развития Москвы, пока его еще обсуждают, — построить как можно больше, поставив всех перед свершившимся фактом. Мол, вложено зное число миллионов; повернуть уже поздно, надо продолжать.

Все делается так, будто не существует известных всем архитекторам и строителям «Строительных норм и правил», в которых говорится: «**расположенные в пределах зеленой зоны населенные пункты не подлежат дальнейшему территориальному развитию**». Как будто не существует Земельного кодекса РСФСР, по которому «земли зеленых зон подлежат особой охране», на них можно строить лишь то, что защищает зону.

Уже закончился самый зловещий этап строительства: механизаторы содрали природный слой земли на полях совхоза «Московский» вплотную к поселкам Чоботы, Здоровый отдых. Здесь должны встать четыре микрорайона величиной с рабочий город. И два уже почти возведены, а два следующих строятся.

Лесопарковый защитный пояс перестанет существовать, потому что его разрежут дороги, коммуникации, искромят различные вспомогательные службы. Обесценятся находящиеся здесь детские сады, пионерлагеря, санатории, пансионаты, больницы. Переделкино перестанет быть подмосковным курортом.

А Моссовет занял, мягко говоря, одностороннюю позицию. Он учитывает только выполнение программы массо-

вого жилищного строительства, но совершенно игнорирует то, какими средствами эти цели достигаются. А в данном случае в жертву приносится зеленый пояс. И это несмотря на то, что даже архитекторы признают факт совершенной в Переделкине еще одной градостроительной ошибки! (См. журнал «Архитектура и строительство», ноябрь 1988 г., статья «Переделкино. Еще один спальный район».)

Нынешнее строительство в Переделкине серьезно нарушит и водный режим этого района, загрязнит реку Сетунь, которая впадает в Москву-реку выше Лужников. Планируется построить ряд опасных в экологическом отношении объектов. Запроектированные водоохранные сооружения не решают проблемы, так как в период весеннего половодья и при сильных ливнях часть стоков все равно будет попадать в реку. О реальности и последствиях подобной опасности свидетельствует не столь давнее загрязнение питьевых вод Рублевского водохранилища, нанесшее ущерб здоровью миллионов москвичей.

Сетунь и так уже загрязнена отходами животноводческих ферм, нефтепродуктами солнцевской автобазы. Положение усугубит канализационный коллектор, который прокладывается вдоль исключительно живописной поймы Сетуни около станции Переделкино: вблизи русла уже построены шахты, подездные дороги и многое другое. Сетунь окажется окруженной многоэтажными домами. Огромная концентрация людей и транспорта создаст перенагрузку на природу. Нужна дополнительная буферная зона шириной не менее 500 метров. Роль такой зоны могут выполнить расположенные там утопающие в зелени поселки Чоботы и Здоровый отдых. Иначе судьба Сетуни предопределена.

Проект застройки сохраняет сам городок писателей, но полностью уничтожает живописные окрестности, весь регион. Сегодня, в условиях перестройки, нельзя келейно, без учета мнения ученых и общественности создавать и осуществлять проекты, разрушающие экологическое равновесие. И поэтому ученые-экологи, журналисты, многие писатели, широкая общественность предлагают, требуют остановить строительство в Солнцевском районе с правой стороны Боровского шоссе. Это еще не поздно сделать в отношении 12-го и 13-го микрорайонов.

Оставшуюся пока не тронутую часть зеленого пояса еще можно сохранить. Ее спасет только статус комплексного ландшафтно-исторического и бальнеологического заказника. С подобным предложением выступили недавно и специалисты из «Моспроекта-3».

Зеленый Юго-Запад — залог экологически здоровой столицы. Наша жизнь, жизнь наших потомков должна перевесить сиюминутные и весьма сомнительные выгоды.

Котя солнечную погоду я безоговорочно предпочитаю ненастной, выходить на улицу приходится, увы, в любую. Так и в этот дождливый вторник у меня было дело, и, нацепив на плечи чужой плащ, который предстояло отдать владельцу, я покинул дом Ниро Вульфа на Вест-стрит, 35, Барроу, Манхэттен, и направился вниз по Гринвич Виллидж к Арбор-стрит.

По обеим сторонам Арбор-стрит тянулись кирпичные дома, в основном четырехэтажные. Номер 29 ничем из них не выделялся.

Я приблизился к нему, но внутрь не вошел. У подъезда стояла полицейская машина, и страж порядка с важным лицом спрашивал у собравшихся зевак:

— Чья это собака?

Он, очевидно, имел в виду стоявшее рядом с ним животное с влажной черной шерстью. Я не слышал, чтобы кто-нибудь заявлял свои права на собаку — возможно, потому, что в этот момент мое внимание отвлекла подъехавшая машина, из которой вылез мужчина в штатском. Он небрежно кивнул полицейскому и скрылся за дверью дома № 29.

Сказать, что я знал этого человека, было бы мало. Присутствие сержанта Пурли Стеббинса недвусмысленно указывало на наличие в доме покойника. Предполагаю, что последовало бы, попроси я разрешения войти и обменяться плащами с одним типом, который здесь жил и, уходя от Вульфа, прихватил по ошибке мой. Мое появление на месте происшествия пробудило бы самые худшие инстинкты Пурли, и я мог запросто не попасть домой к обеду.

Когда я проходил мимо полицейского по узкой мостовой, он метнул на меня строгий взгляд и спросил:

— Это ваша собака?

Пес потерся о мое колено. Я остановился, погладил его по влажной черной голове, а затем, заверив полицейского, что собака не моя, двинулся дальше.

Порядком отмахав, я вновь заметил ту собаку. Моя рука машинально потянулась к ее голове, но вовремя остановилась. Досадно. Она явно признала во мне друга и, судя по всему, намеревалась идти за мной. Только я решил отвести пса в общество собаководов, чтобы там по ошейнику установили владельца, как из-за угла налетел смерч и сорвал с меня шляпу.

Я не люблю рискованных цирковых номеров, но на эту собаку стоило посмотреть. Она прошмыгнула перед большим грузовиком, смахнув хвостом пыль с бампера, выскочила буквально из-под колес легковой машины, искусным маневром ушла от другой и оказалась на противоположной стороне улицы, где выхватила шляпу прямо из-под ног какого-то толстяка. Обратный переход хоть и не сопровождался скрежетом тормозов и руганью водителей, но был таким же впечатляющим. Через минуту она стояла передо мной, гордо подняв голову и виляя хвостом. Шляпа выглядела довольно

— Сию минуту, сэр. Большую часть времени я могу держать ее у себя в комнате, но она, конечно, будет проходить по лестнице через холл, когда я буду выводить ее гулять. Зовут ее Ниро, что, как известно, означает «черный». Но если вам не нравится, имя можно изменить. Например, Эбон, или Джет, или Черныш, или...

— Вздор!

— Простите, сэр. Я ведь так одинок, особенно в те часы, которые вы проводите в оранжерее. У вас есть орхидеи, у Фрица — супы из морских черепах, у Теодора — его длиннохвостые попугаи... Так почему бы мне не завести собаку? Правда, кличку придется изменить, сейчас она зарегистрирована как Чемпион Ниро из Бантискута.

Я ожидал всего, но только не того, что произошло. Вульф покинул свое излюбленное кресло и склонился над псом с выражением, которое он никогда не дарил кому-нибудь из человеческих существ, включая меня.

— Это лабрадор, — изрек он.

— Да, сэр. Я считаю, что частный детектив без собаки — уже не детектив.

— У лабрадора, — поучительно продолжал Вульф, — череп шире, чем у любой другой собаки, и мозг крупнее. Похищая это создание, ты учитывал, какие беспорядки повлечет оно в доме?

Я узнал кое-что новое об этом большом толстом гении: он бы не возражал против собаки, но только при условии, что ответственность за нее беру на себя я. Таким образом, он останется в стороне и при соответствующем настроении может брюзжать и проявлять недовольство — мною...

Я дал задний ход.

— Пожалуй, нет. Что ж, придется отказаться...

— Но я не хочу противоречить твоему желанию, — настаивал Вульф. — Лучше мириться с собакой в доме, чем с твоей кислой физиономией... Откуда пес?

Я сел за стол и описал все как можно более подробно. К концу повествования Вульф знал, что Ниро действительно мною похищен, но промолчал.

— Назовем его Джет, — произнес он после долгой паузы.

Я потянулся к телефону.

— Позвоню в общество собаководов, пускай забирают.

— Нет. Есть вариант получше. Позвони кому-нибудь приятелю в полицию, дай номер ошейника и попроси установить владельца. С ним и свяжешься напрямую.

Он тянул время. Могло случиться, что владелец мертв, или сидит в тюрьме, или не хочет брать собаку обратно, и тогда Вульф сможет оставить ее себе. Не желая спорить, я позвонил знакомому сержанту, и тот пообещал сообщить, когда что-нибудь узнает. Вошел Фриц и пригласил нас обедать.

Рекс СТАУТ

"Всех, кроме пса, в полицию..."

грязной и, мягко выражаясь, влажной, но я решил не обижать пса и надел ее. Это решило исход дела. Я подозвал такси, посадил рядом с собой собаку и дал водителю адрес Ниро Вульфа.

— Где тебя черти носили? — брюзгливо спросил Вульф. — Мы собирались в шесть начать работать, а сейчас уже четверть седьмого.

Его глаза, наконец, оторвались от книги.

— Что это? — гробовым голосом произнес он, указывая на моего компаньона.

— Собака.

— Вижу. Немедленно убери ее! Я не расположен шутить.

Обед был, как всегда, восхитительным, однако события последующей пары часов оказались не столь приятны.

Мы с Вульфom сидели в кабинете над списками любителей орхидей, когда в десять тридцать раздался дверной звонок. Я прошел в холл, включил свет и, заглянув в глазок, увидел знакомую фигуру инспектора Крамера.

Приотворив дверь, я вежливо осведомился:

— Ну, чего?

— Я хочу видеть Вульфа.

— Уже поздно. По какому поводу?

— По поводу собаки.

Ни один гость, особенно блюститель порядка, не может пройти в кабинет без предварительного позволения Вульфа. Но этот случай казался исключительным. Секунды две я раздумывал, потом широко распахнул дверь и сердечно пригласил:

— Заходите.

— ...Выражаясь точнее, — сказал Крамер, во всем любивший ясность и определенность, — информацию я бы хотел получить от Гудвина.

— Зачем ты привел его сюда?! — вознегодовал Вульф.

За меня ответил Крамер:

Рисунок Ильеса АЙДАРОВА

— По моей просьбе. Я чувствую, что вы замешаны в этом деле, и хочу знать, при чем тут собака. Ну, Гудвин?

— Собака? — невинно переспросил я. Губы инспектора сжались.

— Хорошо, объясню. Вы звонили в полицейский участок, дали номер и просили выяснить владельца собаки. Когда сержант узнал, что владельцем был некий Филипп Кампф, убитый сегодня днем в доме № 29 по Арбор-стрит, он сообщил об этом нам, в бригаду по расследованию убийств. Стоявший на посту у дома полисмен доложил: пес ушел за человеком, заявившим, что не имеет на него никаких прав. После звонка из участка полисмену показали вашу фотокарточку, и он вас опознал. Сейчас он ждет в машине. Позвать?

— Нет, спасибо, не настаиваю.

— Собака ушла за вами.

Я скромно потупил глаза.

— За мной ходят собаки, за мной ходят девушки, иногда за мной ходят даже ваши филеры. Что поделаете...

— Не ломайте комедию. Собака принадлежит убийце, а вы увели ее с места преступления. Где она? Тут вмешался Вульф. Его голос был спокоен, но тверд.

— Вы обвиняете мистера Гудвина совершенно беспочвенно. Он вовсе не «увел» пса. Рекомендую вам сменить тон.

Вульф проявляет снисходительность — чудеса, да и только!

— Я знаю одно. — упорно гнул свое Крамер. — Человек по имени Ричард Миган, проживающий в том доме, утверждает, что утром был у вас и что вы отказались заниматься его делом. — Крамер поскреб подбородок. — Чуть ли не свидетель преступления признает, что обращался к вам!.. Дальше. Через полчаса после убийства на месте появляется Гудвин и похищает... Ну,

хорошо, и собака уходит с ним. Собака, принадлежавшая жертве! На что это похоже? Кстати, где она?

— Вульф вздохнул и покачал головой.

— В данном случае, — произнес он почти дружелюбно, — вы зря тратите свое время. Что касается мистера Мигана, сегодня утром он позвонил, чтобы договориться о встрече, и пришел в одиннадцать. Разговор у нас получился коротким. Он хотел выследить одного человека, но не успел назвать ни имени, ни каких-то подробностей, только упомянул жену, и я понял, что его трудности — семейного характера. Как вам известно, я не занимаюсь подобными делами. Мой отказ привел его в ярость, и он выскочил из дома, взяв с вешалки по ошибке плащ мистера Гудвина. Продолжай, Арчи.

Глаза Крамера переметнулись на меня, и я послушно повиновался.

— Я заметил подмену лишь днем — его плащ такого же цвета, только постарее. Звоня утром, Миган назвал адрес, вот я и пошел, а у дома увидел полицейскую машину и толпу. Тут подъехал Пурли Стеббинс, и я предпочел воздержаться от встречи. Погладил пса, который там ошивался, и отправился домой.

— Вы звали собаку?

— Нет. Я лишь на Девятой авеню заметил, что она идет за мной. Я не похищал и не крал ее. Иначе, скажите, зачем бы мне звонить в полицию и узнавать ее имя?

— Не знаю. Если в деле замешаны Вульф или вы, нельзя ни в чем быть уверенным. Где она?

— Наверху, в моей комнате.

— Приведите ее сюда.

Я встал, но тут меня резко окликнул Вульф:

— Арчи!

Я повернулся.

— Да, сэр?

— Что за спешка... — Он обратился к Крамеру. — Хотя собака на вид очень разумна, я сомневаюсь, что

она может ответить на ваши вопросы. К тому же я не желаю, чтобы она резвилась в моем кабинете.

— Я тоже.

— Так зачем она здесь нужна?

— Я ее забираю. Нам нужно кое-что проверить.

Вульф поджал губы.

— Вряд ли это возможно. Мистер Гудвин, подобрав собаку без хозяина и, предположительно, без крова, взял на себя определенные обязанности и должен их выполнить. Ее придется держать у нас, пока мистер Гудвин не удостоверится в ее будущем благополучии. Разве не так, Арчи?

Будь мы одни, я бы, разумеется, высказался, однако присутствие Крамера меня стесняло.

— Совершенно верно, — согласился я.

— Вот видите, — с прискорбием обратился Вульф к инспектору, — собаке придется остаться у нас.

— Чепуха. Я забираю пса.

— Неужели? У вас есть предписание? Ордер на арест, как важного свидетеля?

Крамер сначала открыл рот, потом закрыл, сплел пальцы перед собой и подался вперед.

— Послушайте. Кампф — человек, которого убили, — жил на Перри, неподалеку от Арбор-стрит. Он пришел в дом № 29, держа свою собаку на поводке, в 5.20 вечера. Дворник Олсен — он живет внизу — в то время смотрел в окно и видел, как десять минут спустя собака выбежала уже без поводка, а вслед за ней появился человек. Его имя — Виктор Таленто, адвокат, хозяин квартиры на втором этаже. Таленто утверждает, что направлялся на деловую встречу и, обнаружив в холле собаку, выгнал ее, приняв за бездомную. Таленто ушел, а собака осталась на улице.

Крамер расцепил пальцы и откинулся на спинку кресла.

— Еще через двадцать минут Олсен услышал, что кто-то выкрикивает его имя, и вышел в холл. Там были двое — живой и мертвый. Живой — это Росс Шеффи, художник, он снимает студию на пятом этаже. А мертвый — человек, пришедший туда с собакой. Его удавили поводком. Шеффи говорит, что обнаружил труп случайно, когда спускался по лестнице, и ничего больше знать не знает. Он оставался там, пока Олсен ходил звонить. Патрульная машина приехала в 5.58. Сержант Стеббинс — в 6.10. Гудвин — в 6.10. Исключительное совпадение, не правда ли?

Вульф хмыкнул.

Крамер продолжал:

— Поводок лежал у Кампфа в кармане плаща. В лаборатории установили, что Кампфа им и задушили. Все четверо квартиросъемщиков в то время находились у себя: Виктор Таленто, адвокат, второй этаж; Ричард Миган, ваш знакомый, третий этаж; Джером Аланд, актер ночного клуба, четвертый этаж; и Росс Шеффи, художник, пятый. Аланд утверждает, что спокойно спал, пока мы до него не достучались. Миган говорит, что ничего не слышал и ничего не знает.

Крамер вновь наклонился вперед.

— Так что же произошло? Кампф пришел к кому-то из этих четверых. Возможно, войдя в дом, он снял поводок с собаки и оставил ее в холле, хотя лично я в этом сомневаюсь. Скорее, собака присутствовала при убийстве. Нам следует отвести пса в дом и посмотреть, к какой двери он подойдет. Что мы сейчас и сделаем. В моей машине сидит проводник.

Крамер поднялся.

Вульф покачал головой.

— Вы упомянули, что мистер Кампф жил на Перри-стрит. Вместе с семьей?

— Нет. Он — холостяк, писатель; был неплохо обеспечен и мог позволить себе не искать заработка.

— Итак, собака осталась без хозяина. Она у тебя, Арчи?

— Да, сэр.

Я поднялся и направился к двери, однако Вульф остановил меня.

— Поднимись к себе в комнату, запри дверь и оставайся там, пока я тебя не позову. Иди!

Я вышел. Ничего другого не оставалось: мне еще рано уходить в отставку. Кроме того, Вульф поступал очень мудро, раз уж решил не отдавать собаку. Одно дело, если я физически остановлю Крамера, и совсем другое, если он будет ломиться в запертую дверь.

Тяжелый топот Крамера раздался в холле, и хлопнула наружная дверь.

Я крикнул:

— Все в порядке?

— Нет! — Донесся в ответ звериный рык. — Подожди, пока я запру! Вот теперь все.

Когда я спустился, Вульф уже сидел в своем кресле за столом.

— Хорошенькое дельце! Назло мне притаскиваешь в дом собаку, и вот вам результат!

Я сел и спокойно произнес:

— Во-первых, кашу заварили вы. И вы же отрезали путь к отступлению, поругавшись с Крамером, когда узнали, что собака осталась без хозяина и, следовательно, ее можно не отдавать... А если завтра полиция явится за ней с предписанием?

Он обмяк в кресле и закрыл глаза.

— Исходя из информации Крамера, — изрек он, — дело не представляет особой трудности.

Я молчал.

Игорь ВАСИЛЬЕВ

ЖИЗНИ ДИКАТОР

— Алло! — голос вынырнул из телефонного далека и обрел четкость, столь нехарактерную для междугородной связи*.

— Я решил обратиться к вашему журналу с предложением, которое вас должно заинтересовать. Правда, я сомневаюсь, что разговор состоится, если я называю свою профессию. Дело в том, что я — контрабандист...

(Неисповедимы пути, приводящие в журнал самых разных людей, ищущих помощи, справедливости, просто сочувствия: от спившихся люмпенов до непонятных гениев, от бывших чиновников до невинно осужденных. Но контрабандист?)

— ...Называйте меня Вадимом, фамилия, думаю, ни к чему. Откуда звоню? Какая разница... Буду краток. Ходим за кордон, в Афганистан. Бизнес как бизнес: мы — им, они — нам. Занятие прибыльное, но опасное, конечно. Нет, война нам в общем-то не мешает, это ведь вы воюете, мы — торгуем. У нас старые дела с одним человеком там, так вот сейчас он во главе отряда моджахедов — это те, кого вы душманами называете. Были мы у него в последний раз месяц назад. И вот тогда я узнал, что у них в плену четверо советских солдат. Одного я видел своими глазами. Что мне вам рассказывать — сами, наверно, знаете, как им там живется. Никому не пожелаю на их месте оказаться. Они нужны моджахедам для обмена на оружие, продовольствие. Но могут и убить, особенно, когда ваши наседадут...

Я боялся пропустить слово, до боли прижимая к уху телефонную трубку. Бред сумасшедшего? Тогда я сам сумасшедший, потому что голос с другого конца звучал неторопливо и уверенно, собеседник мой взвешивал каждое слово, строго вычлняя главное, опуская детали. Нет, не бред. Шутка? Не укладывалось в голове — шутить такими вещами? Да и какой смысл? Тогда что, правда? Боже, какие контрабандисты в наше время? Граница на замке...

— Я не альтруист, но мне стало ужасно жалко этих ребят. В чем они виноваты? Знаете, никогда не занимался благотворительностью, но в тот раз я предложил за них выкуп. Просто захотелось спасти этих мальчиков. Мне назвали цифру — 120 тысяч долларов: по 30 тысяч за каждого. Во-первых, у меня нет такой суммы, во-вторых, у меня нет долларов. И самое главное: я знаю, что в том районе скоро начнутся бои, и тогда будет поздно. Поэтому я и обращаюсь к вам.

— Чем мы можем помочь?
— Нужны деньги...
— Какие у вас гарантии, что ваш расказ — не плод воспаленной фантазии?
— Резонный вопрос. Гарантии такие: вы, как корреспондент журнала, отправляетесь с нами за кордон и все видите своими глазами. Берете с собой фотоаппарат, диктофон...

Я вообразил себя ползущим через контрольно-следовую полосу, представил, как я даю показания Там, Где Надо, и интуицизма заметно поубавилось.

Стоп! Это чужь! Нелегально я границу пересечь не смогу. Значит...

— Если вы обратитесь в органы — все закончится, не начавшись, — продолжал таинственный Вадим. — Я понимаю ваши трудности. Давайте так: за кордон пойду я и буду вести переговоры от вашего имени. Я принесу запись разговоров с пленными, их фото и письма — достаточно до-

казательств, по-моему. После этого мы обговорим условия передачи денег. Кстати, завтра буду в Москве по своим делам, позвоню...

Прессинг собеседника ставил меня в жесточайший цейтнот.

Сутки я боролся с собой, разрываясь между двумя желаниями: позвонить Куде Надо и довести дело до конца самому. Пусть принесет доказательства, уговаривал я себя, а там будет видно.

...Встретиться договорились в метро, на «Академической», в центре зала. Узнал я его сразу — интуиция что ли сработала? В классическое представление о контрабандисте он никак не вписывался: щуплая фигура, очки, неуверенная походка. Я заранее настроивал себя на недоверие. Вадим начертил на листке бумаги участок границы, обозначил места дислокации наших войск, расположение погранзастав; подробно рассказал о душманах, действующих на территории Афганистана — все, вплоть до биографий их командиров; о том, как контрабандисты переходят границу, скрываясь в зарослях камыша, и, бывает, жгут этот камыш, чтобы оторваться от погони. Когда о таких вещах рассказывают спокойно, даже чуть скучновато, в них веришь.

— Уйти туда я должен не позднее конца этой недели...

Я обещал прилететь, тем более что в Душанбе меня ждала еще одна необычная встреча.

В один из сентябрьских дней 1988 года в Управление КГБ по Ленинградской области поступило срочное сообщение: неизвестными бандитами захвачена группа заложников.

Один из заложников обратился по телефону в корпункт «Известий» и передал ультиматум: предоставление в трехдневный срок самолета и возможности беспрепятственного вылета за границу, в Лондон. Более того, дабы удостовериться в том, что условия приняты, бандиты потребовали сначала отправить в Лондон того самого заложника, который сообщил обо всем соборку «Известий». На следующий день в определенное время по программе Би-би-си нужно передать соответствующее сообщение, и тогда наступит второй этап — переправка основной группы. В передаче по Би-би-си британское правительство должно гарантировать преступникам неприкосновенность, и те, в свою очередь, гарантируют неприкосновенность оставшимся у них заложникам. Такова была ситуация.

Здравомыслящий человек, прочитав это, скажет: «Бред! Почему бандиты отпустили заложника, почему вместо него в Лондон не мог лететь один из них, ничем практически не рискуя? С какой стати Би-би-си станет передавать сообщение для бандитов, а британское правительство гарантировать им безопасность?» Все верно. Те, кто участвовал в операции, думали то же самое. Они были убеждены, что вся эта история — блеф, что никаких бандитов, равно как и заложников, не существует и что этот спектакль понадобился кому-то для... Для чего? Кому?

Немедленно была запущена отлаженная машина розыска. Главная трудность заключалась в невозможности установить имена заложников, а значит, проверить истинность сообщения: по словам звонившего, это были транзитные пассажиры с ленинградских вокзалов, а кто они, попробуй, проверь. Но тут из Душанбе поступила информация о человеке, назвавшем себя заложником. После этого внутрен-

няя убежденность, что история с заложниками — миф, стала реальностью и можно было трубить отбой.

Почти сутки люди, участвовавшие в операции, находились в невероятном напряжении, были задействованы практически все механизмы, в том числе те, которые обеспечили бы контакт с правительством Великобритании. Если переводить эмоции в чисто денежное выражение, то «шутка» обошлась налогоплательщику в весьма круглую сумму.

И главное: блеф этот не повлек никаких санкций в отношении его организатора и исполнителя. Никаких, потому что эта дикая выходка не более чем... административное нарушение, не подлежащее уголовному наказанию, одним словом, шутка!

Я летел в Душанбе еще и с целью встретиться с этим «веселым» человеком, тем более что к тому времени знал кое-что о нем и о событии, которое должно было, наконец, круто изменить его жизнь.

...Когда Боре Паршину едва исполнилось 19 лет, он окончательно понял, что лучшее место на земле там, где его нет, и стал стремиться туда всей душой. Сказочный ареал простирался в его представлении значительно западнее пограничного города Бреста, откуда до солнечного Душанбе долетали заманчивые радиоволны «Свободы», «Голоса Америки» и Би-би-си.

Слушая трогательные истории о заключенных в тюрьмах и томлящихся в сибирских ссылках правозащитниках, Борис понял главное: самый простой путь на Запад — стать одиозной личностью в своей стране. Одно упоминание фамилии в передаче «Голоса» — и можно смело собираться в Америку. Как говорил Козьма Прутков, «Хочешь стать великим — будь им!». И Боря завязывает оживленную переписку со всеми «голосами» сразу. Один бог и семейный бюджет знают, сколько денег ушло на почтовые марки, но письма оставались без ответа. Хотя, по его представлениям, давно уже должны были понаехать западные корреспонденты, — так красочно он расписывал ужасы жизни «правозащитника» Паршина. Тогда он решил напомнить о себе другим образом.

Явившись в столицу, он прямо из Домодедова направился на улицу Чайковского, где располагался единственный, по его мнению, в стране очаг демократии. Но, будучи человеком начитанным и «наслушанным», сам он в американское посольство не пошел, а послал мальчишку, которого соблазнил рассказами о немалом количестве кока-колы и жвачки, которые его там ожидают.

Дело, понятно, окончилось полным фиаско.

После беседы в соответствующих органах пыл «правозащитника» несколько угас, но вскоре он нежданно-негаданно получил роскошный подарок. Во время прохождения медкомиссии на предмет службы в армии все в том же, 1982 году врачи обратили внимание на несколько неадекватное восприятие призывником Паршиным нашей действительности. Получив направление в психдиспансер, Борис понял, какой шанс он держит в руках, и немедленно лег в стационар. Обследование длилось три дня, после чего был поставлен диагноз: «нормален». От службы в армии его, правда, освободили, но по иной причине — врожденному косоглазью.

Немедленно, по выходе из дурдома, Паршин «откатал» письмо, способное разжалобить и камень, и направил его в редакцию радиостанций и в организацию «Международная амнистия». В нем он по-

вествовал о страшных пытках в психбольнице, куда он попал, понятно, за свои политические убеждения. Но ожиданиям «диссидента» не суждено было сбыться и на этот раз. У «Международной амнистии» оказалось много других забот.

После этого Борис затих на целых три года. В 85-м году он поступил в Ленинградский госуниверситет на философский факультет, но его мятущаяся натура не сумела выдержать систематических занятий и жестких требований на экзаменах. Через год его отчислили за банальную академическую неуспеваемость.

А призрачная мечта переселиться подальше от родного Душанбе и вообще подальше от границ страны стала просто навязчивой идеей. Придумываются и отвергаются планы: один авантюрист другого. Наконец, избран самый простой путь: в мае 1988 года на имя Председателя Верховного Совета СССР от гражданина Паршина поступило письмо с просьбой о лишении советского гражданства и высылке за пределы Союза. В качестве ультиматума Борис угрожает голодовкой... Время идет, его требование не удовлетворяется. Тогда в сентябре он приезжает в Ленинград...

Мне хотелось увидеться с этим человеком, попытаться понять, какие мотивы движут его поступками; тем более что в день нашей предположительной встречи Борису должны были объявить о том, что Верховный Совет удовлетворил его просьбу и разрешил выехать за границу.

Начальник Душанбинского ОВИРа проводил меня до кабинета, где Паршину только что вручили Указ Верховного Совета. Я открыл дверь, и человек, сидящий за столом, метнул на меня испуганный, непонимающий взгляд.

— Вадим! Что ты здесь делаешь?..

...Я не могу понять, на что он рассчитывал. Утром, как только я бросил вещи в гостиницу, раздался телефонный звонок. Он меня очень быстро вычислил. Разговор шел уже немного в другом ключе. Теперь о безвозмездной ходке за кордон и речи не шло. Вадиму, то бишь Борису, требовалась хотя бы тысяча долларов «на карманные расходы» («на взятки, там очень любят взятки»). Я, еще не веря, что имею дело с Вадимом, засомневался: не банальное ли это надувательство. Но на что он рассчитывал? Неужели всерьез полагал, что ему дадут просто так тысячу, не то что доллары — рубли?

...Я не знаю, что он найдет на другом берегу. На этом, во всяком случае, он не потеряет ничего. Нельзя потерять того, чего не имел.

Сколько энергии, фантазии потрачено впустую. Чего ради? Чтобы увидеть огни Нью-Йорка или Парижа? Что же, Париж стоит обедни, но все-таки не такой, когда в разменную монету превращаются святыне чувства друзей, когда предметом примитивной спекуляции становятся те, по ком матери уже выплакали глаза.

Париж стоит обедни?..

— Если бы мне не дали сейчас уехать, я бы в следующий раз был с теми... в Орджоникидзе, — сказал он на прощание. И здесь я ему поверил.

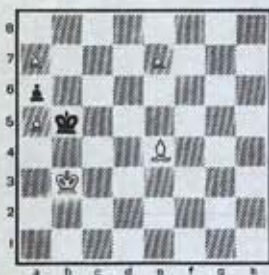
А может быть, не стоит дожидаться новых Овечкиных, Якшиных? Ведь цельто у них одна — покинуть страну. И невольный вопрос: были бы человеческие жертвы, сожженные самолеты, несостоявшиеся авантюры (а если бы состоялись?), если можно было решить вопрос элементарно: захотел — уехал. И никто не держит. Себе дороже!

31-я шахматная олимпиада

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

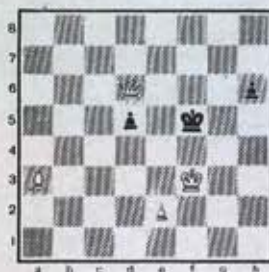
ПАРАД МИНИАТЮР
В. ШИНКМАН
1902 г.

Мат в 3 хода

Сразу две белые пешки — на пороге превращения. Ясно, что они и есть главные действующие лица. 1. e8Ф+ было бы слишком грубо. Действительно, после 1...Кр:a5 не видно, как затянуть матовую сеть. Например, 2. a8К приводит к пату. Соль в том, что поле b5 нельзя атаковать. 1.e8Л! Теперь на 1...Кр:a5 возможно 2.a8К! Крb5 3. Ле5х. Во втором варианте на доске появляется и сильнейшая фигура: 1...Крс5 2. a8Ф Крд4 3. Фа7х. Обратите внимание: маты в обоих вариантах правильные! Это одна из лучших миниатюр на тему превращения.

Восьмой тур

Белые: Крf3, Фd6, Са3, п.e2 (4)
Черные: Крf5, пп. d5, h6 (3)
Мат в 3 хода (3 балла)

II

Белые: Крf3, Фd8, Cd3 (3)
Черные: Крд2, пп. c4, c5 (3)
Мат в 4 хода (4 балла)

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов!) с пометкой «31-я шахматная олимпиада. 8-й тур». Последний срок отправки писем (по почтовому штемпелю) — 1 сентября.

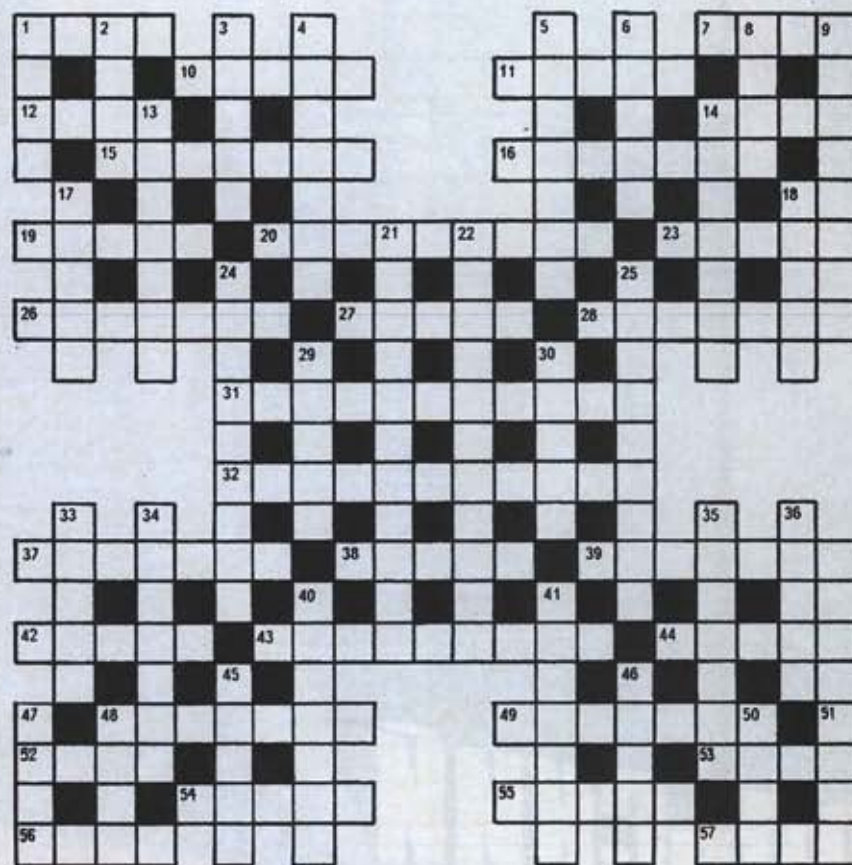
КРОССВОРД

Составил В. Маятин. Краснодар

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Зверь, «живущий» на Кавказе только в поэме М. Лермонтова «Мцыри». 7. Летучее вещество, похититель сознания. 10. Притворно-добропорядочный человек, лицемер. 11. Традиционная одежда кавказского пастуха. 12. Излюбленный зверь русских сказок. 14. Иранская арфа, самому древнему изображению которой 1400 лет. 15. Древнеримский боевой корабль. 16. Мыс, с которого писатель Плиний Младший видел извержение Везувия и гибель Помпей. 19. Хищная птица, которая отлучаясь из гнезда, прикрывает птенцов свежими ветками с листьями. 20. Древнегреческий ученый, друг Архимеда. 23. Змея, яд которой способен разрушать раковые клетки. 26. Выдающийся деятель на одном из поприщ. 27. Русский физик и электротехник, построивший лодку с электродвигателем. 28. Австралийское животное, одно из самых нервных в мире. 31. Прибор для определения вязкости газов и жидкостей. 32.

Электромагнитные волны, искажающие в приемнике основную передачу. 37. Каждый из сотрясателей груш в повести А. Гайдара «Тимур и его команда». 38. Житель Африки, боящийся только льва и человека. 39. Передовик-рационализатор. 42. Столярный инструмент. 43. Изобретенное в XVI веке стрелковое оружие. 44. Автор балета «Ангара». 48. Самый неустойчивый из природных химических элементов. 49. Угледод, запасаемый растениями. 52. Вратарь сборной футбольной команды, известный в Париже еще и тем, что сочиняет песни на собственные стихи. 53. Участник самого популярного в 60-е годы молодежного ансамбля в Англии. 54. Лучший мед. 55. Героиня известной картины П. Рубенса, на которой в правом нижнем углу изображена охотничья собака. 56. Соотечественник Давида, взявший в руки кисть, когда он писал последние картины. 57. ... ваша (как хотите, как вам угодно).

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Сигнализатор расстроя в организме. 2. Длина человеческого тела. 3. Мать — madre, отец — ... 4. Гора западнее Казбека. 5. Автор картины «Неравный брак». 6. Ансамбль из восьми исполнителей. 8. Норвежское полярное судно, «приплывшее» в музей. 9. Строевое, из которого зимой в поэме Н. Гоголя «Мертвые души» перевозят зерно в амбары. 13. Космонавт, бортинженер на «Союзе-14». 14. Город на крупной уральской реке. 17. Большая крепость, чем дворец. 18. Поэт, на мраморном памятнике которому на тобольском кладбище можно прочесть слова «автор народной сказки». 21. Крупный футбольный стадион в Мексике. 22. Зона морского дна, где сосредоточены основные запасы придонных промысловых рыб. 24. Одна из героинь в повести

Б. Васильева «А зори здесь тихие...». 25. Один из лучших нападающих в истории советского хоккея. 29. Военный способ взять измором. 30. Немецкий композитор, посещавший И. Гете в Веймаре. 33. Брат жены. 34. Вертикальная стойка, опора для судовой палубы. 35. Значение, охват, размах. 36. Самый популярный у запорожских казаков танец. 40. Внутреннее укрепление в средневековом русском городе. 41. Один из двух цветков, почти обязательных в крупных английских аранжировках. 45. Родина «Махабхараты». 46. Романтический парусник. 47. Древнегреческий предок ЭВМ. 48. Элемент, незаменимый в химических лазерах. 50. Говорить в ... (прямо, открыто). 51. Героиня первой оригинальной повести Н. Карамзина.

Уважаемые товарищи!

В течение года вы можете выписать журнал в любом почтовом отделении, в агентстве Союзпечати до 1-го числа предподписного месяца. В розницу «Смена» поступает в ограниченном количестве.

Пролетарии
всех стран,
соединитесь!

СМЕНА '89

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц.

№ 11 (1489) ИЮНЬ

Главный редактор
Михаил КИЗИЛОВ

Редколлегия:

- Сергей БАБКИН
(заместитель главного редактора)
Борис ДАНИШЕВСКИЙ
(заместитель главного редактора)
Александр КУЛЕШОВ
Андрей КУЧЕРОВ
Альберт ЛИХАНОВ
Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
Сергей ПОПОВ
(ответственный секретарь)
Юрий РАГОЗИН
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ
Вадим САЮШЕВ
Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
Владислав СЕРИКОВ
Виталий ФЕДОРОВ
(главный художник)

Художник
Александр КЛИЩЕНКО
Технический редактор
Елена НАЗАРОВА

Сдано в набор 19.04.89.
Подписано к печати 04.05.89.
А 08843. Формат 70 × 108^{1/2}.
Бумага для глубокой печати.
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5.60.
Усл. кр.-отт. 19.60. Уч.-изд. л. 10.26.
Тираж 2 500 000 экз.
Заказ № 512.
Цена 35 коп.

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14

- 212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки,
212-21-38 — коммунистического
воспитания.
212-23-79 — фотоочерка.
251-32-84 — военно-спортивные.
251-32-84 — международной жизни.
251-04-10 — литературы и искусства.
212-11-27 — писем и массовой работы.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда»,
125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Рукописи объемом
более одного авторского листа
(24 машинописные страницы)
редакцией не рассматриваются.

Мой футбол —
это благодарность
тем, кто приходит
за меня болеть!

Добровольский

ИГОРЬ ДОБРОВОЛЬСКИЙ

У него ласковое прозвище в футбольном мире: «Добрик». И сам он такой мечтательно-воздушный — как маленький принц. На него, по-моему, не должны обижаться даже соперники, которым он доставляет столько неприятностей — он ведь творит игру и для их болельщиков тоже.

Первые его соперники, правда, немного обиделись на щупленького паренка, смешавшего им своим появлением все карты на турнире — официально! — дворовых команд города Тирасполя. Еще бы — ведь он, гостивший у тетки на каникулах, строго говоря, не имел права играть в этом соревновании со своей местной пропиской. И были несказанно рады, когда, отыграв три первые встречи и забив в них девять голов, он отбыл к себе в Одесскую область по случаю начала нового учебного года. И лишь тренер местной школы Иосиф Кайзер закручинился — такого парня на своем фут-

больном педагогическом веку он еще не видел.

И потому не поленился спуститься в том же сентябре 1970-го по потемкинской лестнице, к городскому автовокзалу. А оттуда в городок Раздольное: «Пойми, малыш, у тебя призвание. Ты для себя еще ничего не решил?..» Родителей уговаривали уже вместе.

В ту пору наш футбол был повально увлечен модой на модельные характеристики своих исполнителей — современных и будущих. И с этой точки зрения фигура любимца тираспольского тренера никакого интереса не представляла — действительно, в чем только душа теплится, сущий скелет. А будущее ведь за работой — мужской, нелегкой. И еще очень жесткой, любовь к ней надо подчас проносить через боль.

Но мальчишка хотел радоваться и радовать. А тренер ему, скажем так, не мешал. И наш футбол получил игрока, про которого просто язык не повернется сказать, что он работает на поле. Он играет.

— В спорте — везет сильным. А очень сильным, бывает, и очень везет. Конечно, в 18 лет начать с чемпионства — куда как заманчиво. Но раз не повезло — значит, не заслужили. Выиграем еще, обязательно выиграем.

Партнеры по юношеским и юниорским сборным всегда отмечали в нем эту спокойную уверенность. Слово знает человек, что свое возьмет, а чужого, незаслуженного, ему не надо. Но когда «своим» поставил он «золото» сеульской Олимпиады, поставил задолго до открытия Игр, то даже они, знающие Игоря много лет, засомневались.

— Я даже не сильно расстроился, когда на первенство Европы из-за травмы не попал. Мой турнир в 1988-м другим был. Олимпийским. Команда за три года подобралась — водой не разлить. И этой победы мы, честно скажу, уже заслуживали.

Дважды грозила оборваться натянутая до предела нить к успеху в Сеуле. И дважды Добровольский ее восстанавливал. Первый раз, когда изящно пробил брешь в обороне итальянской сборной, собравшейся уже было праздновать победу в по-

луфинале. И второй — когда стотысячный олимпийский стадион вдруг застал дыхание и, привстав на цыпочки, впился глазами в белую отметину в одиннадцати метрах от ворот. В Раздольном, Москве и Тирасполе в тот миг как никогда ощутилось дыхание далекого Сеула. Двадцатилетнему мальчишке доверили исполнить пенальти в пиковый момент финала! Богатыря бы сюда, с ударом. А Добровольский мягко пустил мяч по стриженной траве, движением корпуса отправив вратаря бразильцев в другой угол. Напомнив миру, что футбол — игра, и выигрывать в ней надо элегантно.

Мне кажется, что даже самые далекие от сантиментов защитники бережно относятся к его легким ногам. Хотя работу свою чтут и при случае готовы по-мужски встретить этого мальчишку. Сам он, правда, иногда облегчает им задачу противодействия — словно уравнивая шансы, поостывает, поотдыхает игру-другую. Но чуть взрывается — и жди беды. Впрочем, для кого беды? Мы уже привычно ждем от него радости, как от каждого, кто принес в игру что-то новое. Свое.

Сергей МИКУЛИК
Фото Юрия СОКОЛОВА